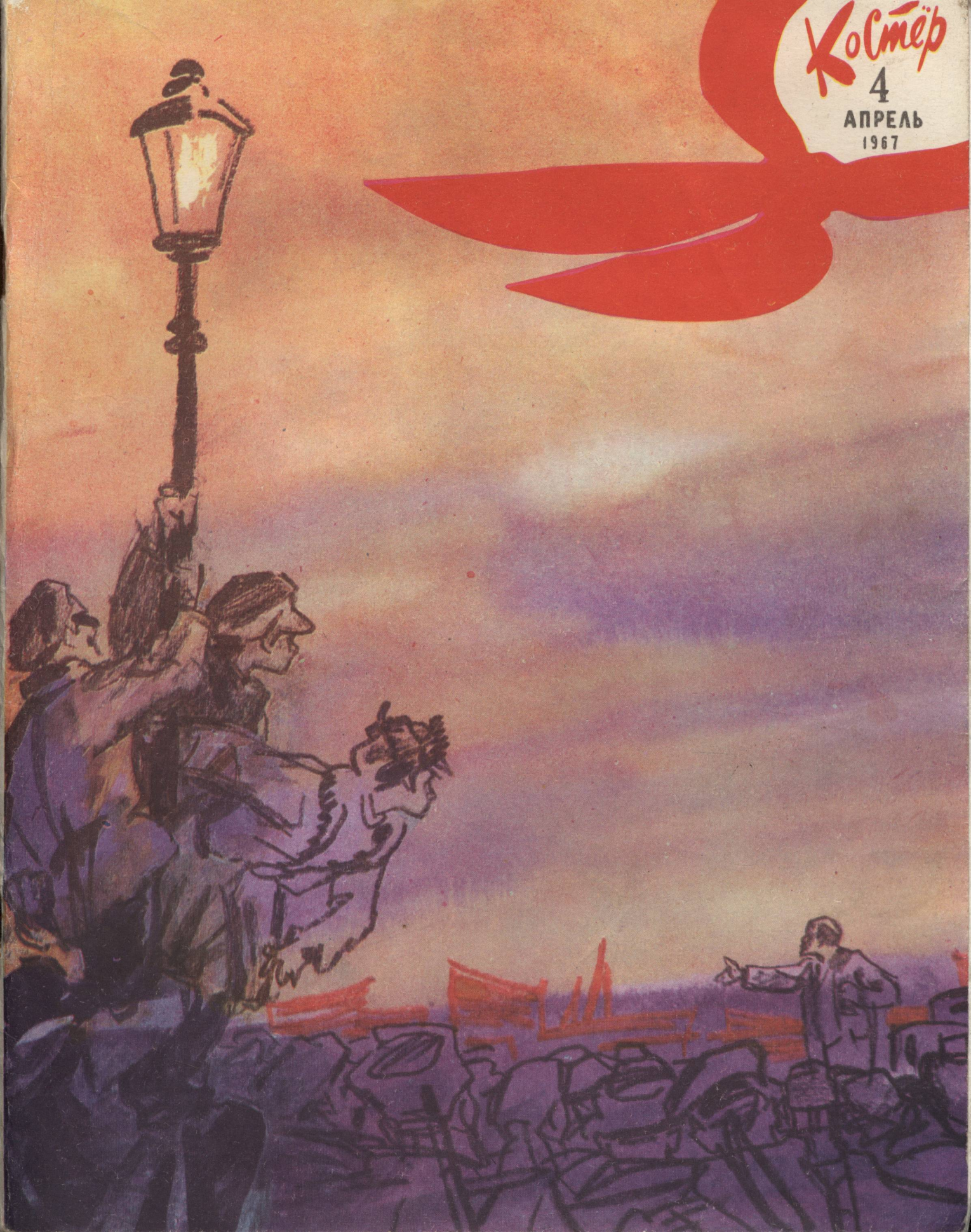

Колтёр

4

АПРЕЛЬ

1967

В ЭТОМ НОМЕРЕ

- Товарищ Платтен**
очерк В. ВОСКОБОЙНИКОВА 2
- Ночные напитки**
стихотворение В.Л. ОРЛОВА 5
- Восемьдесят восемь дорог**
повесть Н. ПЕЧЕРСКОГО 6
- Клуб Жака Паганеля** 25
- «...Пожнут бурю»**
обзор А. АЛЕКСАНДРОВИЧА 29
- Новое имя**
рассказ Л. РАДИЩЕВА 30
- Хорошо быть дельфином**
беседа Ю. ЯКОВЛЕВА 36
- ТИ — ВИ**
отрывок из книги В. ПОПОВА 38
- Веселые стихи** 41
- Пионерская школа „Ностра“** 42
- Приключения Васи Булкина
в революционном Петрограде** 44
- Школа „Спринт“** 46
- Алгебра кончится на Виете**
фантастический рассказ В. МАЛОВА 48
- Операция „64“!!!** 51 и 53
- Как вам болеется?**
заметки С. ЗАВИДОНОВА 52
- Уголён**
журнал для малышей 55
- Чужая урса**
юкагирская сказка 57
- Что? Где? Когда? Почему?** 59
- Библиотека КОСТИ ТЕРНИНА** 60
- Уголок веселого архивариуса** 61
- Морская газета** 62
- Делаем змея!**
Советы К. КУРДЕНКОВА 64

В первую минуту Ян Янович Зау-
ринь совсем растерялся...

(Читайте рассказ „Новое имя“
Леонида Радищева)

Товарищ Платтен

Что случилось 14 января 1918 года

В этот день на Петроград опустился туман. Извозчики проезжали не спеша, наклонившись вперед, стараясь разглядеть, что же там такое впереди лошадиной морды. Шоферы вели свои автомобили очень осторожно.

Вечером в автомобиле со стороны Михайловского манежа к Симеоновскому мосту подъезжал Ленин. Он ехал вместе с Марией Ильиничной. В машине были еще шофер и швейцарский революционер Фриц Платтен.

У Фонтанки шофер совсем притормозил машину. И тут раздались выстрелы.

Фриц Платтен мгновенно пригнул голову Владимира Ильича и заслонил его.

Шофер рванул машину. Проехав несколько кварталов, он завернул за угол, остановился и открыл двери автомобиля. Все вышли.

— Счастливо отделались! — радовался шофер.

— Разве в самом деле стреляли? — удивился Владимир Ильич.

И только Фриц Платтен молчал, хотя он-то уж точно знал, что это было. Из той руки, которой он заслонил голову Владимира Ильича, лилась кровь.

Так Фриц Платтен помешал первому покушению врагов революции на Владимира Ильича.

Откуда же он появился в Петрограде, этот швейцарец, коммунист Фриц Платтен? Почему он оказался в одной машине с Лениным в тот день, четырнадцатого января?

Чтобы ответить на это, нужно вернуться назад на один год.

Год назад

В это время Владимир Ильич жил в Швейцарии, в Цюрихе. Вместе с другими товарищами он руководил отсюда революционным движением в России. И конечно, как только эмигранты-большевики узнали, что последний русский царь Николай II лишен власти, они стали пытаться срочно попасть в Россию. Но попасть в Россию было невозможно. Вокруг нейтральной Швейцарии шла мировая война. Франция и Англия сразу бы арестовали русских большевиков на своей территории.

Один за другим придумывались и отбрасывались планы возвращения в Россию.

На аэроплане? Но где взять аэроплан?

— Может быть, притвориться глухонемым шведом? — предлагал Владимир Ильич.

— Во сне подумаешь о меньшевиках и станешь ругать их «сволочи!» — шутила Надежда Константиновна, — а потом, кто будет провожатым, — тоже глухонемые шведы?

И тогда родился план с «запломбированным» вагоном.

Личная просьба Ленина

Надо сказать, что в Швейцарии были свои социалисты. Некоторые из них сочувствовали меньшевикам и эсерам, другие были на сторо-

не большевиков. Во главе швейцарских революционеров, которые стояли за большевиков, был Фриц Платтен.

Платтена легко узнавали на улице. Он был одним из самых высоких людей в своем городе Цюрихе. Уже в семнадцать лет он руководил забастовкой учеников-ремесленников. В 1906 году он тайно перевозил в Ригу оружие для революционеров.

К нему и обратился Владимир Ильич за помощью.

Рядом со Швейцарией была еще одна воюющая страна — Германия. Германия воевала против России, против Англии и Франции.

Конечно, германским военным были ненавистны русские большевики. Но с другой стороны, военные знали, что в Германии кон-

чаются хлеб и мясо, кончается металл, даже здоровых людей остается мало в Германии.

«Нам же это выгодно, пропустить большевиков в Россию, — решили германские военные, — пусть они там посеют смуту!»

Бедные военные! Они даже и не догадывались, чем для них обернется приезд в Россию большевиков!

Договариваться обо всем с немецкими властями должен был не русский, иначе всех русских сразу бы обвинили в шпионаже; договариваться должен был человек из нейтральной страны. Фриц Платтен, швейцарский гражданин, выполнил эту просьбу Ленина.

Запломбированный вагон

И вот этот странный вагон прицепили к поезду и повезли по германской территории. В вагоне четыре двери. На три из них немецкий офицер наложил пломбы. Через четвертую дверь вошли в вагон тридцать два русских революционера.

Прошло немного времени, и буржуазные газеты написали: «Кайзер Вильгельм предоставил Ленину лучший вагон в Германии и наполнил его золотом. За это золото Ленин и сделал русскую революцию». Это, конечно, глупая выдумка.

В вагоне были тесные купе второго и третьего класса. На лучшее не хватало денег.

В конце коридора мелом провели черту. Эта черта была настоящей государственной грани-

цей Германии. По одну сторону границы — тридцать два русских революционера, по другую — два немецких офицера возле двери.

Только Фриц Платтен свободно пересекал границу во всех направлениях. Ведь он был гражданином нейтральной страны.

Особенно тревожно прошли первые часы. Никто не знал, что готовят германские власти. — Вас легко могут арестовать, — предупреждали Ленина еще в Швейцарии.

— Могут. И все же это единственно возможный путь в Россию. А в России нужно быть обязательно.

Поезд шел мимо деревень, небольших городов, и постепенно все в вагоне успокаивались.

Владимир Ильич работал даже в вагоне.

За день до отъезда из Швейцарии, когда Ленин вместе с Надеждой Константиновной просматривал все бумаги, сжигал письма, упаковывал необходимые вещи, хозяин квартиры, рабочий Каммерер сказал:

— Надеюсь, в России вам не придется так много работать, как здесь, господин Ульянов!

— Я думаю, мне придется работать еще больше, — засмеялся тогда Владимир Ильич.

Немецкие власти боялись русских революционеров и поэтому запломбированный вагон останавливался редко и на маленьких станциях. На одной такой станции офицеры ушли из вагона в ресторан пообедать, и Фриц Платтен тоже вышел пройтись по перрону.

Все тридцать два русских сидели за меловой чертой. Им выходить не разрешалось.

А Платтен увидел на вокзале пиво. Он очень любил пиво. И русские тоже любили пиво. Но как быть — больше шести кружек унести он не мог. И тут он услышал разговор нескольких молодых солдат.

— Ты слышал, — говорил один, — в запломбированном вагоне везут русских социалистов.

— Еще бы, — отвечал другой, — говорят, как только они приедут в Россию, так сразу войне конец и мы все пойдем по домам.

Фриц Платтен подошел к ним и сказал, что он как раз и везет этих самых русских революционеров. И, может, они, немецкие солдаты, помогут ему принести пиво для русских?

Через несколько минут по платформе шла

странная процессия: впереди высоченный Платтен, а за ним солдаты с пивом в кружках.

Стоило сопровождающим офицерам увидеть солдат возле вагона, как вагон был бы сразу отцеплен, и неизвестно, чем бы эта история с пивом кончилась. Поэтому Владимир Ильич очень сердился. Но все обошлось благополучно.

За время дороги все очень полюбили Фрица Платтена.

— Вставай, проклятьем заклейменный! — запевал кто-нибудь, и Платтен сразу подхватывал, старательно произнося русские слова. Кто-то рассказывал смешную историю, и Платтен громко хохотал вместе со всеми.

Через несколько дней, уже на другом поезде, Владимир Ильич подъезжал к Финляндскому вокзалу. Большевики не знали, чем встретит их Временное правительство. Ленин готовился к самому худшему — к немедленному аресту. Но на встречу с Лениным, как вы знаете, вышел весь рабочий Петроград.

А Платтену так и не удалось попасть в этот раз в Россию: его задержали на границе...

Он приехал в Петроград уже после Великой Октябрьской революции, в начале января.

Владимир Ильич очень обрадовался, увидев снова Платтена, и поехал с ним на митинг первого отряда социалистической армии. Этот отряд уходил на фронт.

И тогда-то, после митинга, случилось то, о чем рассказано вначале.

Коммуна „Солидарность“

А в 1923 году Фриц Платтен навсегда переехал в Россию.

Среди крестьян Симбирской губернии прошел слух: приехали, дескать, в село Новая Лава иностранные люди, именуют себя швейцарцами, по-русски говорят плохо, зато мелют муку, лес на доски распиливать могут, а уж как плуги, молотилки починят — вовек не сломаются.

Из дальних деревень пошли в село Новая Лава ходоки, кто для дела, а кто и так просто — поглядеть. Все шупали, многому удивлялись, особенно трактору. Тракторов в Симбирской губернии тогда еще не было. И швейцарцы привезли свой. Только выводили они этот начищенный до блеска трактор в поле, сразу сбегались мужики, шли следом. Кто мерял борозду, кто мял и нюхал землю.

А еще удивлялись они веселому подвижному человеку, главному среди швейцарцев — выше его ростом и не было никого в окружных деревнях. Звали этого человека Фриц Платтен.

Об организации такой показательной ком-

муны из заграничных товарищей Владимир Ильич просил Платтена еще несколько лет назад.

Швейцарцам предлагали много мест по всей России, но они, в знак уважения к родине Ленина, выбрали Симбирскую губернию.

А вечером в селе Новая Лава звучали тирольские песни — это Фриц Платтен заводил патефон. Он привез его в Россию из Швейцарии вместе с пластинками.

Где только не видели в следующие годы энергичного человека Фрица Платтена! Платтен — комендант клуба немецких коммунистов. Платтен — старший научный сотрудник в международном аграрном институте. Платтен выпускает книгу о поездке большевиков через Германию в запломбированном вагоне. Платтен читает лекции по истории Коминтерна.

Однажды Владимир Ильич сказал: «Платтен — друг рабочих и враг капиталистов всех стран». И Платтен подтвердил эту высокую оценку своей жизнью.

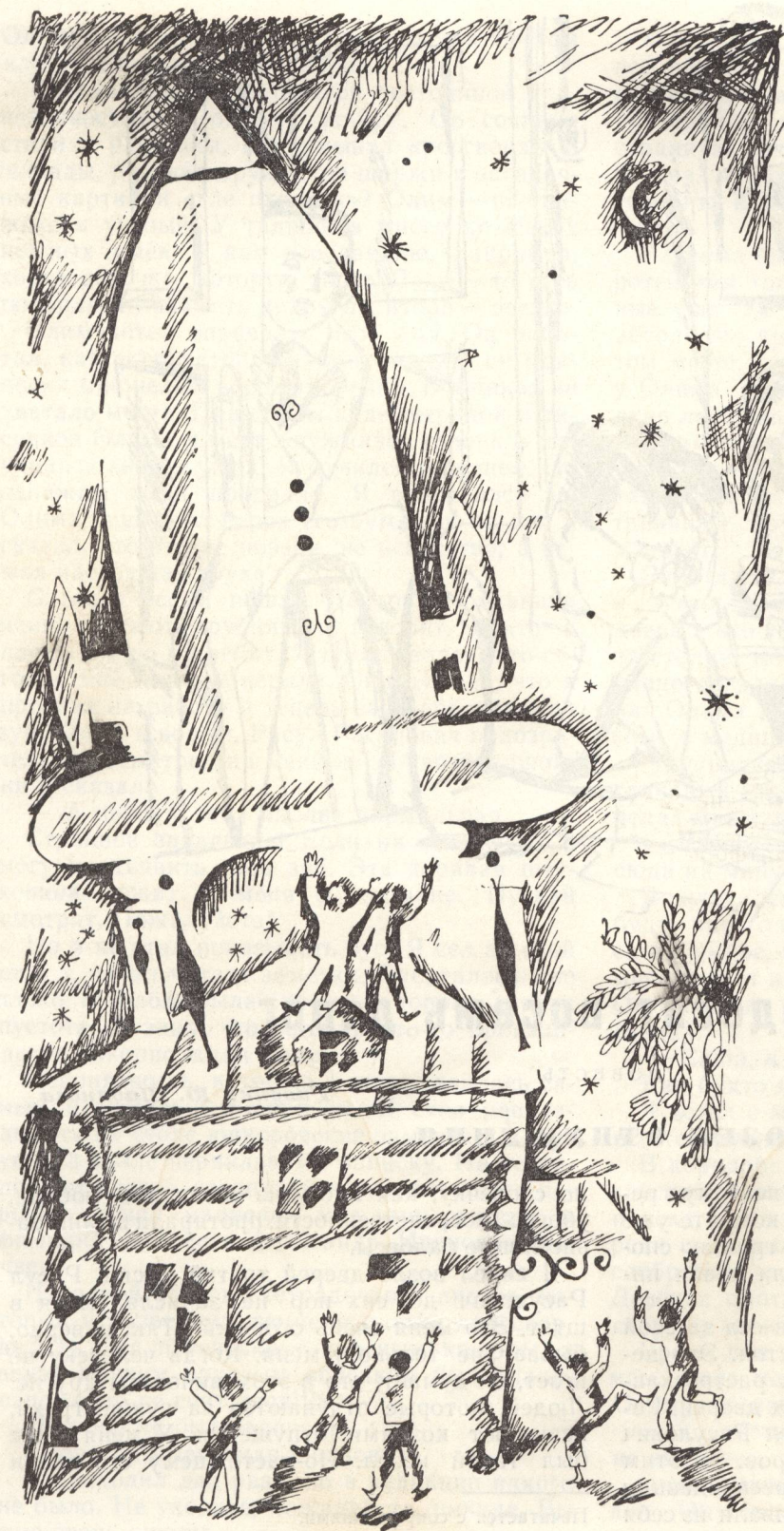
Валерий Воскобойников

НОЧНЫЕ КАПИТАНЫ

Вл. Орлов

Рисунок С. Острова

Все меньше над городом света,
Все гуще туманная тьма.
И в сумраке, словно ракеты,
Слегка серебрятся дома.
Все тише,
Все тише и тише.
Все гуще и гуще туман.
Мальчишки выходят на крыши.
И каждый из них — капитан.
И спящим жильцам неизвестно
О том, что по слову ребят
Дома поднимаются с места
И в темное небо летят.
Дома высоту набирают,
Гудят метеоры у стен.
А мамы об этом не знают,
Не знают об этом совсем.
Сверхмощные чудо-моторы
Мальчишек уносят во тьму.
Уже марсианские горы
Замечены в синем дыму.
Внизу, у широких каналов,
Места для посадки ясны.
А папы лежат в одеялах
И смотрят футбольные сны.
В небесной мерцающей сини
Спокойные бабушки спят,
Не зная, что рядышком с ними
Пустые постели ребят,
Не зная, что в синем сиянье,
На кухню войдя невзначай,
Сидят у стола марсиане
И пьют с капитанами чай.
Прощаться друзьям неохота.
Как трудно расстаться друзьям!
Но близится время отлета,
И слышен приказ:
— По местам!
Успев до зари приземлиться
И даже поспать до зари,
Идут капитаны учиться
И в школу несут буквари.
Они выбегают на воздух
Из теплых мальчишеских снов,
И добрые синие звезды
Стекают по стеклам домов.

Восемьдесят восемь дорог

Николай Печерский

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. Шабанова

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

Утром я был у зубного врача и поэтому в редакцию пришел поздно. В нашей комнате уже вовсю скрипели перья, шуршали гранки: спотыкаясь на каждом слове, стучала новая пишущая машинка редактора.

Я сказал всем «здравствуйте» и сел за свой старый, заляпанный чернилами стол. Это неуклюжее сооружение из досок и растрескавшейся фанеры стояло возле самых дверей. Редактор пионерской газеты Расул Расулович испытывал здесь новичков-стажеров. За этим столом с жару с пылу писали корреспонденции будущие газетные зубры, выдавливали из себя

по словечку, как пасту из засохшего тюбика, убогие посредственности, протирали штаны заvistливые балбесы.

Я сидел возле дверей третий месяц. Расул Расулович до сих пор не зачислял меня в штат. Это меня очень огорчало. Так, наверно, бывает не только у меня. Когда человеку не везет, он думает, что в этом виноваты другие. Людей, которые отдуваются за чужие грехи, называют козлами отпущения. У меня тоже был такой козел. По-настоящему его звали

Печатается с сокращениями.

Олимом Турдывалиевым. Он учился в шестом классе и был нашим юнкором.

Турдывалиев не отличался постоянной привязанностью к одному жанру. Он сочинял стихи и рассказы, придумывал кроссворды и шарады, рисовал дружеские шаржи и загадочные картинки «где охотник»? Олим — по-таджикски ученый. У таджиков много красивых нежных имен. К нам в редакцию, например, ходит девочка, которую зовут Лола — то есть тюльпан, а у нее есть подруга Ситора — звезда.

Олим хотел оправдать свое имя. Он работал, как экскаватор. Каждую неделю он приносил мне целый ворох творений. В ящиках не хватало места. При одном виде тетрадок и рисунков Олима у меня кружилась голова и начинался звон в ушах. Я мучился и терпел. Но однажды меня прорвало. Я разозлился на Олима, швырнул ворох его бумажек на пол и сказал, что это не поэзия, не искусство, а самая настоящая труха.

С этого все и пошло. Теперь в редакции меня считают грубияном, говорят, будто я плохо влияю на ребят. Я догадывался, что сегодня мне тоже не верили. Они думали, что я проспал на работу и теперь сам себе выдумал зуб. Когда я вошел, Расул Расулович подозрительно посмотрел на меня из-за своей машинки и сказал:

— А щека у тебя вполне нормальная...

Странное заявление! Если на то пошло, я могу предъявить свой зуб. Эта корявая штукавина лежит у меня в кармане. Пускай смотрят. Пожалуйста!

Но я не стал показывать зуб. Я сел за свой стол и начал читать заметки. Работалось мне плохо. В голове была сплошная торричеллиева пустота. Я знал, что сегодня что-то произойдет, и покорно ждал этого.

Неприятность, которую я ждал, явилась самым неожиданным образом. Я стал раскладывать на столе юнкоровские заметки и вдруг увидел возле чернильницы записку. На тетрадном листке, свернутом вроде аптечного порошка, были написаны мое имя, отчество и фамилия — то есть Александр Иванович Нечаев.

На одной стороне тетрадного листка, который я развернул, темнели клетки кроссворда. Он был перечеркнут красным крестом, а внизу мелким круглым почерком было написано: «Это не считается!!!»

На обороте была записка:

«Дорогой Александр Иванович!

Я приходил два раза, но в редакции никого не было. Не уходите, пожалуйста, никуда, Вы мне очень нужны.

Ваш Олим Турдывалиев».

«Не уходите» было подчеркнуто три раза, а все письмо завершала большая, похожая на амёбу, клякса. Я оглянулся по сторонам и сунул записку в карман. Я не переваривал эту странную личность. Меня раздражали и лицо Олима, и походка, и его дурацкая привычка говорить к месту и не к месту — «между прочим».

У Олима была стриженная налысо голова, коротенькая толстая шея и жесткие оттопыренные уши. Ко всему этому надо еще добавить абсолютно круглые глаза и полные губы. На том месте, где у человека обычно растёт нос, у Олима была приклепнута маленькая плоская лепешка.

Олим напоминал мне черный глиняный горшок для каймака с двумя ручками. В жизни такие личности почти не встречаются. Это был типичный дружеский шарж, недоразумение, анекдот.

Работать я уже не мог. Я сидел возле стола и думал про Олима. И вот тихо скрипнула дверь и кто-то остановился на пороге. Я сидел за столом, не подымая глаз от бумаги, но все равно догадался, кто это такой. Я почувствовал Олима тем самым шестым чувством, которому в медицине нет еще точного названия.

Я украдкой повернул голову влево. Черный глиняный горшок с ручками стоял в дверях и делал мне какие-то таинственные знаки рукой.

— Рафик¹ Нечаев, — услышал я, — идите сюда на минутку!

Я склонился над своей папкой и сделал вид, будто ничего не вижу и не слышу. Это было не самое умное, что можно придумать. Такого же мнения был и наш редактор Расул Расулович. Он вынул из машинки перепечатанный лист и сказал:

— Саша, к вам, кажется, кто-то пришел.

Как будто я сам не видел!

Я встал с места и, провожаемый взглядами всех сотрудников, пошел к выходу.

В коридоре я увидел девочку в пестрой бухарской тюбетейке и широком платье без пояса. Она стояла возле окна и держала впереди себя рыжий потертый портфель. Я сразу сообразил, что она пришла вместе с Олимом. Девочка смотрела на меня и улыбалась, как старому знакомому.

Время для того, чтобы сводить счеты с Олимом, было явно неподходящее. Я подошел к Олиму, протянул ему руку и сказал:

— Здравствуй, Олим. Очень приятно. Давно не виделись.

Олим такого корректного приема не ожидал. Он стал навтыяжку, как солдат строе-

¹) Рафик — товарищ.

вой службы, и смущенно смотрел мне в глаза.

Только сейчас я заметил, что Олим пришел без своих тетрадок. Настроение у меня сразу поднялось. Я великодушно посмотрел на своего мучителя и спросил:

— Что там у тебя случилось?

Запинаясь и перескакивая от волнения с одного на другое, Олим начал рассказывать. Из сбивчивой торопливой речи Олима я понял, что меня ждут какие-то ребята. На меня у них вся надежда и надо торопиться, пока не поздно и можно еще что-нибудь предпринять. Убедила меня не логика, которой в рассказе Олима даже не пахло, а его темперамент. Я согласился идти вместе с Олимом. У меня все равно сейчас был перерыв.

Ровно через пять минут, убрав со стола папки, я уже шагал по улицам нашего Дюшамбе. С правой стороны меня эскортировал толстощекий Олим, а слева размахивала рыжим портфелем девочка в бухарской тюбетейке. Звали ее Муслима.

По дороге я выяснил подробности. Оказывается, в Дюшамбе приехали из Сибири два никому не знакомых тут человека — мальчишка Игнат и его мать Ольга Павловна. Эти люди разыскивали фронтовика Сергея Лунева. Ольге Павловне он доводился братом, а Игнату дядей. Раньше Ольга Павловна жила в Запорожье, возле Днепра. В начале войны, когда фашисты приближались к Запорожью, Ольга Павловна эвакуировалась в Сибирь. Игнат никогда не видел своего дядю. Во время войны Сергей Лунев пропал без вести. А Игнат появился на свет уже после войны.

Почему вдруг Ольга Павловна и Игнат разыскивают сейчас Лунева в Таджикистане, Олим и Муслима точно сказать не могли. По дороге я узнал, что торопиться нечего. Сибиряки ушли в военкомат и возвратятся не скоро. Но поворачивать назад теперь уже не имело смысла. Раз дело начато, лучше подождать Игната и его мать и выяснить все самому.

Наша троица — то есть я, Олим и Муслима — передвигалась по городу со скоростью хромого ишака. Я не торопился, но меня выводили из терпения дружки-приятели Олима. Мы встречали их буквально на каждом шагу. Все норовили задержать Олима хотя бы на минутку, поболтать с ним или просто пожать руку этой выдающейся личности.

Дольше всего нам с Муслимой пришлось ждать Олима возле Центрального парка культуры и отдыха. У Олима нашлось тут два неотложных дела. Он взвесился на медицинских весах, а затем, напрягаясь всем телом, выжал белый, сверкающий на солнце силомер. Как я

успел заметить, Олим не заплатил за эти удовольствия ни гроша.

— У тебя тут кредит? — спросил я Олима, когда он подошел.

Олим улыбнулся.

— Так это ж Усман. Между прочим, это мой приятель!

Олима Турдывалиева знал весь город. И чайханщики, и кондуктора троллейбусов, и чистильщики сапог и даже милиционеры. Олим любил всю эту пеструю публику. К Олиму тоже относились неплохо. Иногда ему разрешали бесплатно прокатиться в троллейбусе, иногда пускали без денег в кино. Правда, пускали только на плохие картины. В гулком пустом зале сидели лишь влюбленные и пенсионеры. Но для Олима это не имело значения.

У Олима было больше недостатков, чем достоинств. Но — я не могу скрывать этого — у него было доброе и восторженное сердце. В дни, когда у Олима заводились вдруг деньги, он приходил в кино со свитой. Вслед за Олимом в двери театра устремлялась орава малышей с карманами, отвисшими до колен от гаек, гвоздей и других тяжестей. Олим важно шел впереди процессии с билетами в руке. На вопрос билетера, куда и с кем сыплет этот горох, Олим кратко сообщал:

— Пропустите. Это со мной.

Мы приближались к цели. Главные улицы города с красивыми зданиями, магазинами и чайханами остались позади. На плоских глиняных крышах сушился первый урюк. Вокруг гудели рыжие осы. Они впивались в зыбкую радужную мякоть и, охмелев от сладкого сока, улетали прочь.

Неподалеку послышался глухой рокошущий гул. Но это была не Дюшамбинка¹, как показалось мне вначале.

Олим остановился и стал слушать, по-стариковски приложив руку к уху. Но вот он очнувшись, с достоинством посмотрел на нас и сказал:

— Между прочим, это вон в том дворе. Пошли скорее. Это они вас ждут.

Через несколько минут мы открыли низенькую дощатую калитку и очутились в большом дворе, обнесённом со всех сторон глиняным забором — дувалом.

Я посмотрел вокруг и даже растерялся. Двор был буквально забит мальчишками и девочками. В глазах рябило от пестрых бухарских тюбетеек, белых памирских шапочек, цветных платков и пионерских галстуков. Казалось, на этот великий курултай собрался весь город Дюшамбе.

¹) Дюшамбинка — так ласково называют в Таджикистане реку Дюшамбедарью.

Воздух дрожал от слитного, незатихающего гула голосов. На высокой глиняной суфе, где по вечерам таджики ужинают и пьют чай, стоял трехлетний оголец в короткой, до pupa, сорочке. Сложив ладони трубой и выпятив пузо, мальчишка гудел как паровоз. Видимо, делал он это из чувства солидарности к старшим.

Олим немедленно прекратил весь этот ба-

ЭТО БЫЛО В ЗАПОРОЖЬЕ...

Олим не зря притащил меня на край города. Тут, в крохотной кибитке Муслимы, остановились сибирский мальчишка Игнат и его мать Ольга Павловна. Как и почему они сюда попали, это целая история.

Олим познакомился с Игнатом и Ольгой Павловной на привокзальной площади. У Олима там знакомый чистильщик сапог Ишмат Тошматов. У этого известного в Дюшамбе мастера Олим практиковался чистить сапоги и раскрашивать в разные цвета ботинки и сандалеты.

Трудно сказать, что потянуло Олима к щеткам и ваксе. Возможно, его смутили пятаки, которые перепали от клиентов, а возможно, им руководили более возвышенные и гуманные цели. Но скорее всего, Олима удерживала возле низенького замызанного ящичка его веселая и общительная натура.

Деревянный ящик познакомил Олима с интересными людьми. Олим чистил ичиги памирских скотоводов, драил тупоносые ботинки приезжих моряков, приводил в порядок облупившиеся сапоги кулябских геологов. На приеме у Олима были министры, академики и даже отчаянный джигит Мукум Султанов, который поймал бандита Ибрагима-бека.

Олим чистил сапоги какому-то клиенту и вдруг увидел на площади низенькую худощавую женщину с крестьянским узелком волос на затылке и мальчишку лет тринадцати, в черном лохматом костюме. В руке женщины была тощая авоська с промасленным свертком и пустой кефирной бутылкой. Мальчишка держал самодельный чемодан с острыми углами и большим замком на петле.

Мальчишку в лохматом костюме и женщину с авоськой никто не встречал. Они стояли посреди площади, смущенно и растерянно поглядывая по сторонам. Городу не было никакого дела до этих людей. Он жил сам по себе, они — сами по себе.

Олиму Турдывалиеву стало стыдно за свой город. Олим бросил щетки, вытер керосиновой тряпкой перепачканные ваксой руки и по-

зар. Он поднял руку, как семафор, и, покрывая все голоса своим деловым, административным басом, прокричал:

— Тохта! ¹ Я привел сюда Александра Ивановича. Он сделает все. Я его знаю!

Мгновение — и все притихло вокруг. Все эти тибетейки, памирские шапочки и пестрые платки обернулись как по команде. Что они хотели? Чего ждали они от меня?

мчался к приезжим. Подбежал, приложил, как должно, правую ладонь к сердцу и поклонился.

— Салом алейкум!

«Салом алейкум» знают везде, даже на полюсе холода, в Оймяконе. Женщина улыбнулась Олиму усталой улыбкой и ответила:

— Здравствуй, мальчик.

Хорошее настроение Олима чуть-чуть не испортил мальчишка в черном лохматом костюме. Он схватил свой чемодан двумя руками и спрятал за спину. Видимо, он не верил ни Олиму, ни его милой улыбке.

Олим не стал лезть в пузырь.

— Между прочим, — сказал Олим, — я вижу, вам негде жить. Вы не бойтесь... Поехали со мной. Хоб? ²

Женщина стала поспешно благодарить Олима. Поправила узелок волос на затылке и собралась было идти, но мальчишка не тронулся с места. Глаза его потемнели, возле рта прорезалась острая короткая морщинка.

— Давай, однако, проходи, — сказал он Олиму. — Нечего тут.

Другой на месте Олима бросил бы все и ушел, но Олим не такой. У него имелись свои принципы. Он сделал вид, будто даже не заметил мальчишку.

— Между прочим, вон наш троллейбус, — сказал Олим женщине. — Это как раз к нашему дому. Поехали.

Подкатил троллейбус. Олим почти насильно затолкал туда гостей. При всем том Олим был удивительно вежлив. Лишь в троллейбусе, когда под гулким ребристым полом уже зашуршали шины, Олим наступил мальчишке на ногу, чтобы он не забывался и в следующий раз знал, с кем имеет дело.

Так Олим познакомился с сибирским мальчишкой Игнатом и его матерью Ольгой Павловной. Так привез их в большой шумный двор на окраине Дюшамбе.

Квартира, где жил Олим, его мать и отец,

¹ Тохта — довольно, хватит!

² Хоб — хорошо, ладно.

была совсем маленькой, и Олим пристроил гостей к Муслиме. Правда, у Муслимы квартира тоже оказалась тесной, но все-таки больше, чем у Олима. Когда в ней расположились Игнат и его мать, там даже осталось еще свободное место.

Шума и гама после моего прихода во дворе не убавилось.

Представители улиц и школ размахивали руками и хором требовали принять какие-то срочные меры. Мое имя склонялось во всех падежах, а мои способности и мой авторитет раздували на глазах, как раздувают бурдюк для переправы через реку.

Оказывается, меня позвали для того, чтобы протолкнуть в газету какую-то заметку. Ее уже написали и теперь хотели обсудить на этом пестром и шумном маджлисе¹. На глиняной суфе с тетрадкой, свернутой дудочкой, стояла Муслима и ждала распоряжений.

— Тохта! — крикнул Олим. — Тох-та!

Муслима вздрогнула, сделала полшага вперед и начала читать.

Муслима читала вполголоса, но все было слышно. Шелестели на тутовнике листья. Уворот, затихая на миг и вновь набирая скорость, жужжала деревянная вертушка.

Люди по-разному видят чужой рассказ. Картины, которые рисует им воображение, далеки и в то же время чем-то близки друг другу. Ребята утихли. По лицам их бродили задумчивые строгие тени.

Глуховатый голос Муслимы увел меня на пустынную темную улицу Запорожья. По холодным скользким камням мостовой, не задерживаясь, текла снежная поземка. В стороне стоял черный столб с оборванными проводами. На деревянной тумбе ветер задирает приказ с черной свастикой наверху.

По улице, прячась и замирая в подворотнях, шел от одного дома к другому человек в коротком полушубке и белых мягких валенках. Он украдкой поглядывал на темные фонари с номерами домов и выкрошенными стеклами и неслышно скользил в темноте дальше. Видимо, он был в этих местах впервые.

Но вот он остановился возле дощатых ворот с перекосившейся калиткой на одной петле, оглянулся и юркнул в темную пасть двора. Слева темнело разрушенное кирпичное здание. В глубине двора, за деревом виднелся еще один, уже небольшой домишко.

Ночной гость быстро пересек двор и остановился возле маленькой двери. Она была обита черной клеенкой. Из острых рваных дыр

торчали белые клочья ваты. Человек в полушубке постучал в перекладину двери. В доме послышались тихие сбивчивые шаги. Кто-то нерешительно остановился в сенцах и, переждав биение сердца, спросил:

— Кто такой? Тут никого нема...

— Откройте, это свои, — тихо, почти шепотом сказал человек в полушубке.

Скрипнула дверь. В сенцах, заслоня ладонью свечу, стояла высокая седая женщина

в черном платье. На ногах у нее были глубокие галоши с острыми ободранными носами. Женщина отступила на шаг. Человек в полушубке быстро захлопнул дверь и хриплым протуженным голосом сказал:

— Не бойтесь. Ольга Павловна. Я от Сергея Лунева. От вашего, значит, брата. Я вам письмо принес.

— У мене нема ниякого брата, — глухо, будто из-за стены, сказала женщина. — Фашисты всих постриялы...

¹) Маджлис — собрание.

Плечи и голова седой женщины затряслись. Она плакала в холодных сенцах, вытирая ладонями глаза и перекладывая свечу из одной руки в другую.

Человек в полушубке обнял женщину и повел в горницу.

— Ну, не надо. Ну, расскажите, как случилось... Ну, пожалуйста...

Женщина села возле остывшей печки и начала рассказ. Было тихо и грустно. На крыше потрескивало смерзшееся железо.

Раньше женщина жила в другом доме, на правом берегу Днепра. Теперь там осталась только груда кирпичей и цветной извести, которой жильцы красили стены. Из этой кучи

уныло торчали погнутые спинки кроватей, какие-то кочережки и ржавые детские велосипеды. На них уже никто и никуда не уедет.

Она отправилась по городу искать пристанище. И вот нашла... Тут никого не было. Честное слово. И про Ольгу Павловну она ничего не слышала. От кого тут услышишь. На всей улице живет только она и один глухой старик.

Человек в полушубке посидел еще немного и стал собираться. Женщина упросила его остаться еще немножко и выпить с ней кружку чая. Она вышла во двор и вскоре вернулась с тоненькими лиловыми веточками вишни в руке. На керосинке кипел чайник с вишневыми веточками вместо заварки. Пахло весенними ветрами и садом.

Партизан пил чай и временами плотно сжимал веки, прогоняя усталость. Женщина кинула было на топчан подушку и предложила поспать часок, но гость решительно отказался. Вытер губы ладонью, запахнул полушубок и сказал:

— Нет, мать, спасибо. Я пошел. А ты тут не плачь. Скоро мы фашистов прогоним, снова будем жить хорошо. Письмо Лунева прибереги. Если Ольга Павловна появится, ты ей обязательно отдай.

Седая женщина проводила гостя до дверей, посветила ему желтой оплывшей свечкой и спросила:

— Ты скажи мне хоч, хто ты такий е?

Человек в полушубке улыбнулся.

— Зовут Иваном, а служу вместе с Сережей в партизанах. Вот, мамаша, и все.

Партизан ушел. Женщина сидела до самого рассвета возле стола, смотрела на треугольник солдатского письма и ласково гладила его сухими тонкими пальцами, как когда-то гладила круглую стриженную под ноль голову сына.

А потом окончилась война. Седая женщина сидела возле дома на скамеечке и вязала варежки чужим детям. Припекало солнце. Пахло теплым, недавно политым асфальтом и морковкой, которую ребятишки мыли возле водопроводной колонки.

Во дворе появилась почтальонша Надюша с черной пузатой сумкой на левом плече. Женщина посмотрела на нее и опустила веки. Она уже ни от кого не ждала писем, а газет не читала, потому что плохо различала буквы уставшими за долгую жизнь глазами.

Но на этот раз Надюша подошла к ней. Вынула из сумки толстый пакет и спросила:

— Вы не знаете, во дворе у вас живет Лунева или не живет? Я уже третий раз прихожу. Прямо все ноги пообивала!

Седая женщина встала и протянула руку к пакету.

— Давайте мне письмо. У меня уже одно такое есть. Если Ольга Павловна придет, я ей отдам.

Надюша не отдала письма, потому что оно было заказное. И вернулось оно, это письмо, на почту, а оттуда умчалось обратно на поезде, полетело на самолете в далекие неведомые края.

Через двадцать лет Ольга Павловна приехала из Сибири в Запорожье. Она хотела посмотреть на свой город, пройтись по улицам, посидеть на берегу Днепра. В городе все было новое — и дома, и магазины. Но Ольга Павловна сразу нашла дорогу к дому. Это была дорога детства. Самая памятная из всех дорог на свете.

А вот и двор. Клен с длинной веткой, на которой с утра до вечера скрипели качели. За деревом — низенький дом, палисадник. Точно так, как двадцать лет назад. По тонким жердочкам вьются чернильной синевы крученые паничи и пахнет на весь двор пунцовой гвоздикой. Женщина подошла к двери и несмело постучала. Всю жизнь входила она сюда без спросу. Девчонкой влетала с улицы, потряхивая тонкими косичками, а затем, когда настала пора, осторожно, будто по тонкому льду,

шла по двору на высоких каблуках с парнем в черном костюме. Она прятала лицо от соседок. Все знали ее тут босоногой девчонкой. А босоногим девчонкам стыдно выходить замуж.

На пороге Ольгу Павловну встретила седая женщина. Звали ее Анна Григорьевна.

— Вам кого? — спросила Анна Григорьевна, разглядывая незнакомку.

— Я тут жила до войны. Простите...

Седая женщина всплеснула руками.

— Ой, боже ж мий, чого ж вы сразу не казали? Идемте в хату!

Она повела Ольгу Павловну и ее сына Игната в дом. Усадила на диван, а сама побежала в кухню. Скоро там, разгоняя тишину, зашумела газовая плита.

Ольга Павловна оглядывалась вокруг. Все тут было как и раньше. И стол возле окна, и печка с духовкой, в которой пеклись раньше такие вкусные сочные пироги, и деревянный стул с сердцем, вырезанным на высокой спинке.

Анна Григорьевна открыла ключиком, который висел на шнурке возле пояса, шкаф, достала из ящичка солдатский треугольник из серой бумаги. На такой бумаге в войну печатали фронтовые газеты и листовки. Дала

Ольге Павловне, а сама подперла щеку указательным пальцем.

— Читай, сердешна. Сколько лет тебя дожидает...

Целый час читала Ольга Павловна это небольшое письмецо, возвращалась к каждому слову. Анна Григорьевна стояла рядом. Ничего не говорила и не спрашивала. Не мешала этому тихому и грустному свиданию с прошлым. И только когда гостя отвела глаза от письма, Анна Григорьевна принесла с кухни чайник, зазвенела посудой. Ольга Павловна прочитала вслух письмо хозяйке и сыну Игнату. Лунев писал, что побратим звал его после войны в Таджикистан. Приглашал туда и сестру Ольгу Павловну. Седая женщина слушала письмо, вытирала концом передника уголки глаз и тихо повторяла:

— Да, видать, друзья воны з тым самым таджиком...

Анна Григорьевна налила гостям чая, положила в синие старинные блюдечки густого, липнувшего к ложке варенья.

— Кушай, Ольга Павливно. З той вишеньки, що пид викном. З войны тут росте. Сама садила, чи ни?

Ольга Павловна положила на язык черную сморщенную ягоду и вдруг закрыла глаза. В уголках, возле переносицы, выдавленные веком, заблестели две крохотные прозрачные капли.

— Шо ты, Ольга Павливно?

Губы у приезжей дрожали, и вместе с ними дрожала застрявшая между зубами и языком черная ягоду.

— Сережу жалко...

Анна Григорьевна взяла с тарелки пирог и подала Игнату.

— Ты пойдй на улицу, пройдысь. Пойды, пойдй...

Игнат стоял у порога. Ждал. Мать тихо кивнула головой. Тогда он вышел.

— Старший у меня в доме, — улыбаясь сквозь слезы, сказала Ольга Павловна, — большак мой...

Горе и радость не сидят одни дома. Скоро все во дворе узнали, что приехала старая жилица. В комнату одна за другой пришли соседки. Женщины поплакали все вместе, а потом стали советовать, что делать и как дальше быть. Ольга Павловна не успевала слушать и отвечать. Одни предлагали ехать на розыски брата в Москву, другие советовали не тратить зря времени и отправить куда-то срочную телеграмму. Третьи утверждали, что надо податься в Таджикистан.

Потом все разошлись. Седая женщина постелила на диване перину, взбила огромную

белую подушку и уложила Ольгу Павловну спать. Погас свет. Где-то, будто далеко, затикали серебряным маятником часы. Но они висели на противоположной стенке. На том месте, что и двадцать лет назад.

И вдруг в комнате послышалось тихое, сдержанное рыданье. Седая женщина прислушалась, потом встала с кровати, нащупала босой ногой туфли и подошла к дивану. Ольга Павловна плакала, прикрывая рот ладонью. Подушка вокруг ее головы была мокрая и теплая.

— Та ты шо, Ольга Павливно?

Ольга Павловна заплакала сильнее.

— Не могу я. Сережа из головы не идет. Один он у меня брат...

Седая женщина принесла Ольге Павловне воды. Потом села рядом, погладила по щеке шершавой ладонью и сказала:

— Езжай ты, Ольга Павливно, в цей самый, як його — Таджикистан... Может, найдешь Сергея. А письмо пыать це шо — одна бумажность...

Посидела молча в темноте, подумала и спросила:

— Гроши у тебе е чи нема?

Они вместе встали, зажгли свет, и, раскладывая на кучки, начали считать и распределять деньги Ольги Павловны — на билеты, на еду, на всякие прочие дела, которых точно предвидеть заранее и учесть никто не может. Денег оказалось не особенно много, но и не особенно мало.

— Доедем, — сказала Ольга Павловна. — В крайнем случае из дому пришлют. Не нищие, однако.

В это же утро Ольга Павловна тронулась в путь. Она шла по сонным, забрызганным росой улицам Запорожья на вокзал. С правой стороны от нее шагал в черном лохматом костюме ее сын Игнат.

Муслима прервала на минутку чтение, посмотрела вокруг. Представители улиц и школ стояли, как штыки. Вокруг ни шороха, ни звука. Только деревянная вертушка, подхваченная ветром, жужжала изо всех сил, как будто собиралась улететь. На миг глаза Муслимы встретились с моими. Я смущенно снял очки. Без очков я был слеп, как крот.

В заметке, которую читала Муслима, мне лично не все было ясно. Лунев писал свое письмо более двадцати лет назад. Тогда еще была война и умирали люди. Почему же Игнат и Ольга Павловна считают, что Лунев жив? И второе его письмо тоже было неизвестно откуда.

Муслима, видимо, догадалась о моих сомнениях. Она перевернула страничку и, про-

глатывая от волнения слова, продолжала читать:

«Дорогие ребята всего Таджикистана!

Сергей Лунев жив. Письмо было из Таджикистана. Это почтальонша Надюша сама сказала. Если мы все дружно возьмемся за дело, мы Лунева найдем. У нас тысячи ног и тысячи глаз».

Муслима сделала небольшую паузу и четко, как диктор, закончила:

— Все на поиски Сергея Лунева!

Ребята захлопали. Сначала те, которые стояли поближе, а потом все остальные. Казалось, по двору лупил без передышки веселый дружный ливень.

Муслима закончила читать и передала заметку и все дальнейшие полномочия Олиму Турдывалиеву. Олим был чуточку бюрократ.

— Кто за то, чтобы утвердить заметку, прошу поднять руку, — сказал Олим.

«За» проголосовал весь двор.

ПИСЬМО ЛУНЕВА

Редактор прочел заметку и в упор посмотрел на меня. Я прекрасно понимал, что говорил этот строгий, никогда и ничему не удивляющийся взгляд. «Эх ты, журналист! — говорил он. — Простой заметки выправить не можешь! До каких пор я буду мучиться с тобой?»

Я стоял навтыжку перед Расулом Расуловичем и страдал. Я очень боялся, что редактор прогонит меня из газеты. Я не мог жить без гранок, без папок с юнкоровскими заметками, без своего огромного, похожего на катафалк стола. Газета для меня была все — моя жизнь, моя мука, моя судьба.

Но молчание вечно продолжаться не может. Редактор понял, что у меня язык присох к горлу, и начал сам.

— Скажи, Саша, — спросил он. — Ты сам писал эту заметку или кто-нибудь помогал?

Слово «заметку» Расул Расулович взял в кавычки. Да если б только одно слово. С тех пор как я появился в редакции, он брал в кавычки все, что касалось моей особы. Даже мою фамилию.

Вместо ответа по существу, я начал рассуждать про наше собрание, про Олима, который похож на горшок для каймака, про ребят, которые единодушно голосовали за эту заметку. Расул Расулович не дослушал меня до конца. Он отдал мне заметку и спокойно, не повышая голоса, сказал:

— Про Олима расскажешь потом, нет времени. Заметку обработай и сдай. Надо сделать проще и лаконичнее. Она пойдет в номер.

Я взял заметку и пошел к своему катафалку. Нет, не пошел, а полетел на крыльях. За всю свою стажерскую службу я ни разу не сдавал в номер важных заметок, не делал срочных неотложных дел. Я был в редакции «на подхвате», или, как еще говорят, — «прислугой за все».

Заметку, которую мне возвратил редактор, я выправил одним махом. В этом нет ничего удивительного. Нервы мои были взвинчены.

Я старался изо всех сил. Я делал настоящую журналистскую работу первый раз в жизни!

Через десять минут моя заметка была уже в типографии, а еще через десять минут литьевые отлили белые блестящие строчки и, обжигая руки, понесли их на талер. Через два часа газета была готова. Моя заметка стояла на первой полосе. Черный броский заголовок трубил большой сбор — «Все на поиски Лунева! Следопыты, вперед!»

Но вся беда, что после заметки прошло уже пять дней, а мы до сих пор не продвинулись в поисках Лунева ни на шаг. Письма сыпались, как из мешка. Были тут и коротенькие сообщения, и побольше, и толстые, как романы Майн Рида. Но содержание всех этих посланий было одно и то же: нет, нет и нет.

С утра до вечера в коридоре редакции толпились какие-то незнакомые мальчишки и девочки. Они хватали за полы литрабов, то есть литработников, заглядывали в глаза и задавали одни и те же вопросы — что, как, когда? Мы разводили руками и старались шмыгнуть в первую попавшуюся дверь. Что им ответить! Лунев и тот, кто жил рядом с ним, могли не прочесть нашей заметки. Это, во-первых. А во-вторых, кто мог поручиться, что Лунев действительно живет в Таджикистане?

Каждый день приносил мне новую пиллюлю. Вчера после обеда, например, в редакцию примчалась Муслима.

— Рафик Нечаев, идите скорее. Олима на рынке бьют!

Я заявил Муслиме, что у меня работы по горло. Я никуда не пойду, и вообще я знать не знаю, кто такой Олим и что этому типу от меня надо. Пускай бьют, режут, пускай варят из него бешбармак. Я не двинусь с места, не пошевелю пальцем. Это — окончательно!

— Пойдемте, рафик Нечаев. Я вас прошу! — сказала Муслима.

— Просить нечего. Я уже сказал...

— Ну, пойдемте...

— Не пойду. Я занят.
— Пойдемте...
— Не пойду, не пойду, не пойду. Ты понимаешь?

Муслима отрицательно покачала головой. Она не понимала. Она стояла возле порога и ждала. На круглом хорошеньком личике ее была написана просьба и молчаливое осуждение.

Я не выдержал этих молчаливых упреков Муслимы и согласился идти на рынок, защищать этого прохвоста Олима Турдывалиева. Мы вышли с Муслимой из редакции и тут же нырнули под густой пыльный шатер деревьев. Солнце жарило вовсю. Если бы не эти деревья и не эти арыки, которые торопливо журчали с правой и левой стороны улицы, можно было бы вообще сгореть от зноя или расплавиться, как овечий курдюк в котле.

Муслима шла вприпрыжку впереди меня. Она была в своем нарядном, похожем на тюльпан платье, в синих с загнутыми вверх ногами туфлях. Из-под тюбетейки — тоже нарядной и пестрой — выбегали на спину черные тоненькие как ботиночные шнурки косы. Много раз я пытался сосчитать эти шнурки, но все равно сбивался. Даже от легкого, незаметного движения головой косы сбивались в одну общую горсточку и снова рассыпались по ее плечам.

Покачивая косичками, Муслима рассказывала мне по дороге про Олима, что занесло его на рынок, что он там натворил и почему, собственно, к нему применяли устаревшие и запрещенные меры наказания.

Олим и его бесчисленные приятели, оказывается, расклеивали на рынке объявления про Сергея Лунева. Объявления, а вернее, газетную заметку, переписанную от руки на четвертушке бумаги, они расклеивали на все одушевленные и неодушевленные предметы, будь то машины, арбы, лошади или верблюды.

— Он что, с ума сошел? — спросил я Муслиму.

— Не знаю, — серьезно ответила Муслима. — По-моему, не сошел.

— Головы у твоего Олима нет!

— Я с вами, Александр Иванович, согласна. Но у него критическое положение...

Муслима украдкой посмотрела в мою сторону — какое это произведет впечатление на меня. Но я глазом не моргнул. Поблажки от меня Олим не дождетя. Ни за что! Кстати, я не особенно верил, что на рынке, в центре большого города могли истязать живого человека. Даже такого, как Олим.

— Давно его бьют? — спросил я.

— Давно, Александр Иванович. С утра.

Олим блуждал по рынку с шести утра. В одной руке у него было ведро с рыжим клеем, а в другой — объявления. Сначала все было хорошо. Но потом один пожилой таджик поймал Олима за этим занятием. Он вздул его камчой и заставил чистить свою лошадь. Олим лошадь почистил, но потом попал в руки какого-то киргиза в шапке из лисьего хвоста. Теперь Олима бьют, а возможно, даже прикончили, потому что киргиз очень разозлился на Олима за своего верблюда. От верблюда Олиму тоже досталось. Когда Олим клеил объявление, верблюд обернулся и плюнул Олиму в лицо.

Не успели мы пройти двух кварталов по направлению к рынку, впереди показалась какая-то процессия. По улице, размахивая руками и пританцовывая, будто на празднике, с шумом и гамом шли мальчишки и девчонки. Впереди всех шагал высокий киргиз в черной бархатной шапке, обшитой лисьим хвостом. Рядом с ним, целый и невредимый, шествовал наш Олим Турдывалиев.

Киргиз вел в поводу рослого двугорбого верблюда. На спине, груди, возле хвоста и почти под самым брюхом горбатого великана призывно белели объявления. Это был не верблюд, а тумба для афиш. Судя по всему, Олим вел этого рыжего верблюда в редакцию фотографироваться.

Я подошел к Олиму с самыми твердыми и решительными намерениями. Но Олим не дал мне вымолвить ни одного специально для него приготовленного слова.

— Между прочим, рафик Нечаев, — сказал он, — мы нашли Сергея Лунева.

Ребята снова подняли шум и гам.

— Нашли! Ура! Нашли Сергея Лунева!

Не меньше других волновался и киргиз в шапке из лисьего хвоста. Угловатое и загорелое дочерна лицо его с крохотным пучком волос вместо бороды сияло от счастья и желания сообщить мне радостную весть. Улыбаясь всеми своими ослепительно белыми зубами, он ткнул пальцем в объявления, которые шулушились на верблюде от жары и с треском отваливались на землю, и закричал мне в самое ухо:

— Я знаю такой Лунев! Лунев мой ошна! Лунев наш колхоз тракторист!

Удачи и огорченья... Они идут рядом с нами с той самой поры, когда ты сделал первый шаг от стола до теплых материнских колен. Вот и сейчас на смену первой, блеснувшей вдалеке надежде, пришли огорченья. После встречи с киргизом минул день, минул второй, а мы, как и прежде, ничего не знали о Сергее Луневе.

Много в Таджикистане горных тропок и каменистых дорог. По какой из них ушел Сергей Лунев, куда его занесли солдатские, кованные подковками сапоги? Молчит придорожный камень, на котором Лунев свертывал из солдатской махры папиросу, молчит река, из которой он пил пригоршней воду. Молчит небо, молчит земля, молчит все.

А как же киргиз? Значит, зря он кипятился, зря хвастал, что есть у него друг-приятель Лунев, зря кидал оземь лисью шапку?

Что я могу ответить? Конечно, зря.

После встречи на улице я побежал на почтамт и стал звонить в кишлак, где жил киргиз. Я разговаривал с раисом — то есть председателем колхоза. Оказывается, Лунева никогда в колхозе не было. Киргиз, с которым мы познакомились, перепутал фамилию. Его ошну звали не Луневым, а Лубеневым...

Молча, не глядя друг на друга, мы вышли с Олимом из почтамта и разошлись в разные стороны. Олим отправился к своему чистильщику на вокзал, а я побрел к дому Муслимы. Между прочим, я до сих пор не прочел письма, которое прислал Сергей Лунев двадцать

лет назад. Там наверняка были важные подробности. Игнат и его мать могли не заметить их. Ведь они жили где-то в Сибири и, по существу, ничего не знали о Таджикистане.

Во дворе было пусто. Я постучал в низенькую дверь кибитки Муслимы. Никто не ответил. Я постучал еще раз и, не дождавшись ответа, открыл дверь.

Возле стола спиной ко мне сидел Игнат. Он даже не пошевелился. Окно, возле которого сидел Игнат, выходило во двор. Значит, Игнат видел меня, слышал мои шаги, знал, кто у него стоит сейчас за спиной.

Здравствуй, Игнат, — сказал я. — К тебе можно?

— Проходите... Только Муслимы нет. Она ушла.

Я прошел в комнату и сел возле стола. Игнат не посмотрел на меня. На столе перед ним лежала карта Таджикистана. Он упрямо водил по ней карандашом, натываясь на какие-то невидимые мне препятствия, возвращался назад и снова вел карандаш вдоль тем-

ных, залитых коричневой краской ушей, вдоль ледников и летящих с камня на камень рек. Игнат заслонился от меня левой ладонью, но я все равно знал на память каждую черточку этого крупного, по-русски простого лица. У Игната были густые, негнувшиеся брови и сумрачные зеленоватые глаза. Над низеньким крутым лбом топорщились короткие русые волосы. Игнат ходил без кепки и тубетейки. Солнце не поленилось и выжгло по краям лба и висков четкую, соломенной желтизны каемку. Покрасневшее от жары лицо Игната было будто в золотой солнечной рамке.

Склонив голову над столом, Игнат вел карандаш по карте, будто трактор сквозь глухую тайгу.

Я подошел к Игнату и, чуть-чуть задев его плечом, склонился над картой.

— Ты что ищешь, Игнат?

Игнат озабоченно покусал ноготь на большом пальце и глухо, не глядя на меня, сказал:

— Так... одно дело... — Помолчал, взял со стола карандаш и уже тише и чуть-чуть добрее добавил: — Я Красную реку ишу...

— Ну и что — нету, Игнат?

Игнат повертел шеей, как будто ему было тесно в белой простенькой рубашке.

— Не знаю... Наверно, мой дядька что-нибудь перепутал...

— Ах ты, чудак-чудак, Игнат! Вот же она, эта река. Смотри!

Я отодвинул локоть Игната и показал ему извилистую ниточку, бегущую вдоль отрогов Каратегина.

— Читай, — сказал я. — Сурхоб. Сурх по-таджикски красная, а об — вода. Понятно?

Люди радуются по-разному. Игнат смотрел на меня и улыбался строгой сдержанной улыбкой. Эта улыбка была похожа на холодную северную реку, неяркое солнце над верхушками леса и плеск весла по вечерней воде. Я родился и вырос на юге и поэтому выражал свои чувства по-иному. Я стучал кулаком по столу и кричал неизвестно кому: «Ага! А что! Ну, что!»

Эта минутная радость не сделала нас с Игнатом друзьями. Но он уже стал мне чуточку ближе и понятней. Я рассказал Игнату вкратце про свою стажорскую службу и катафалк возле двери, а Игнат достал из бумажника письмо, которое написал двадцать лет назад его дядька, Сергей Лунев, и дал почитать мне.

Это был обыкновенный солдатский «треугольник». Адрес на нем выцвел и уже едва различался, а в тех местах, где бумага складывалась, на сгибах светились узкие протертые щели.

Сергей Лунев торопился. Его дружок отправлялся с боевым заданием в Запорожье. Лунев хотел передать своей сестре слова надежды и привета, сказать, чтобы не убивалась она, ждала советских солдат. Они задержались в пути, но все равно придут и отплатят фашистам за все...

Письмо Лунева, которое я держал в руках, было и радостное и немножко грустное, как все письма с войны.

ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ

Я ходил по улицам Дюшамбе и думал. Давно стемнело, но огней почему-то не зажигали. Я любил наш город в такую сумеречную пору. В синем густом небе ярко горели звезды. Столько звезд, как у нас, нет больше нигде на свете. Так говорил дед Каримов-ота, который живет в нашем дворе. И я верю ему.

Когда в городе темно и в глаза не бьют электрические огни, вдалеке отчетливо видны

«Дорогая Ольга, — писал он. — Я тебе уже рассказывал про таджика Ашура Давлятова. Это — отчаянный боец и добрая душа. Ашур вынес меня с линии боя, целый день и ночь тащил по лесу. Он и сам едва держался, потому что осколок и его ковырнул. Только он виду не подавал. Он всегда такой. Он у нас политруком был. Ашур приволок меня в госпиталь и сдал санитарам. А сам даже раны не перевязал. С этими врачами, знаешь, только свяжись... Врачи думали, что я прямым ходом отправлюсь на тот свет. Увидели меня, сразу замахали — «несите в операционную, на стол», но я все-таки успел шепнуть дружку несколько слов. «Ты, Ашур, не бойся, — сказал я. — Помирать я не собираюсь, не такой у меня характер. Мы еще встретимся с тобой. Вот посмотришь!»

Ашур много рассказывал мне о Таджикистане. Он живет возле Красной реки, в большом красивом кишлаке. Мечтает вырастить новый сорт хлопка. Красивый и нежный, как шелк, как дождь в солнечный полдень. Ашур даже название ему придумал — «серебряный дождь». Правда, здорово? Я буду помогать Ашуру. Я уже сказал ему.

Ну, вот и все. Сегодня я иду в бой. До свиданья, дорогая сестра. Жди новых писем.

Твой Сергей Лунев».

Я прочитал письмо Лунева два раза. От первой до последней строчки. Все мне представилось вдруг легким и доступным. Мы пойдем по берегу Сурхоба и найдем там Лунева и его побратима Ашура Давлятова. Конечно, кишлаков там много. Но это не страшно. Мы будем ходить по узеньким улочкам, где зной и тишина, будем терпеливо стучать в каждую дверь, расспрашивать, узнавать. Будем идти по следам солдата к его далекому дому. Там на нагретой солнцем веранде висит вязка золотого лука и красного, сморщенного от собственной горечи перца. На высоком крылечке сидит человек в старой, залатанной на локтях гимнастерке. Он задумчиво курит папиросу и ждет нас.

снежные вершины гор. Они замыкают наш город серебряной подковой и прячутся только в сильный дождь и еще тогда, когда ветер-афганец подымет в небо тучи мелкой рыжей пыли.

Когда-то давно, когда и вообще никого не было, всадник-пахлавон обронил в Гиссарской долине эту подкову. Хотел поднять ее и спрятать в хурджин, но потом передумал. Посмот-

рел, как сверкают вокруг нее веселые арыки, как летят и никак не могут улететь, вдогонку ветру красные маки, удивился, что есть на свете такая красота, вздохнул и снова ушел в сказку.

Но что разводить лирику, когда на душе темная холодная тоска и сам не знаешь, что делать и куда идти. Может, в редакцию, к Расулу Расуловичу?

Я уже и сам не помню, как очутился возле серого длинного Дома печати. В редакторском окошке горел свет.

Наш редактор любил свое дело большой и жадной любовью. Ему не хватало дня и он просиживал в редакции ночи. У него не было ни воскресений, ни праздников. Расул Расулович часто болел. Но даже в больнице, воткнув локоть в подушку, он читал сырые газетные оттиски, правил статьи, перечеркивал красным злым крестом халтурные заметки.

Я хотел быть таким, как Расул Расулович. Поэтому я любил и боялся его. Я трепетал и немел перед этим человеком.

Я родился в Дюшамбе, рос вместе с таджикскими ребятишками, знал таджикский язык. Когда Расул Расулович принимал меня, он намекнул, что редакции нужен переводчик — человек, который будет переводить заметки русских ребят. Переводчиком мне быть не хотелось, я желал писать сам. Но пока я помалкивал.

Я поднялся на второй этаж и пошел по длинному и уже темному в этот час коридору. Из полуоткрытых дверей выливались на крашенные половицы полосы света. В кабинетах шелестели гранками дежурные русских и таджикских газет; где-то в самом конце выступивала статью ночная мишинистка.

Я открыл дверь нашей комнаты и вошел. Редактор чуть-чуть приподнял брови и кивнул на стул рядом с собой. На этом месте обычно сидели корреспонденты, материалы которых правил Расул Расулович. Это было не особенно приятное место. Корреспонденты вставляли с него красные и горячие, будто со сковородки. Стул этот так и называли — «сковородкой».

Я сел на «сковородку» и притих. На столе перед Расулом Расуловичем лежала целая гора юнкорских писем. Вечером редактор читал их сам, а утром раздавал нам на обработку. Но сейчас перед Расулом Расуловичем лежала совсем не юнкорская заметка. Это была какая-то официальная бумага. Со штампом, печатью, с размашистой крупной подписью. Я не удержался и заглянул через локоть Расула Расуловича в эту бумагу.

Расул Расулович перехватил мой взгляд.

Он с готовностью подвинул бумагу и сказал:

— Читай. Тут про тебя и про Олима. Это что, в самом деле так?

Сердце мое замерло. Я сразу догадался, что это «телега» — то есть какая-нибудь кляуза. Я не ошибся. «Телегу» прислал на меня и на Олима Турдывалиева директор рынка Зуб. Директор не пожелал ударить перед редакцией лицом в грязь. Круглую печать Зуб придал с такой силой, что ее можно было прочесть даже на обратной стороне бумаги. Но больше всего эмоций Зуб вложил в подпись. К фамилии из трех букв он присобачил на целую страницу каких-то крючков, завитушек и росчерков. При одном взгляде на такую подпись хотелось немедленно снять тубетейку и стать по стойке «мирно».

Зуб перепутал все на свете, приплел к истории с Олимом и меня. Оказывается, мы с Олимом клеили на лошадей и верблюдов бумажки с хулиганскими словами, отчекрыжили ножами хвост какому-то породистому коню и отпилили с неизвестной целью рога барану. Кроме всего прочего, в этот день у одного деханина кто-то стащил корзину с урюком и камчу. И это, конечно, Зуб тоже приписал мне и Олиму.

Я уже давно прочел «телегу», но все еще боялся поднять глаза. Конечно, Расул Расулович поверит этой очень официальной бумаге. Тут печать, тут штамп и подпись. А что могу предъявить в свое оправдание я, — Олима? Я сидел и не дышал. Хотел оттянуть ту последнюю минуту, которой я боялся и ждал три месяца подряд. Если я спугну тишину, Расул Расулович сразу заметит меня. Он подкрутит в стрелочку свои усы, покашляет для подготовки и скажет: «Ну, что ж, Саша, срок твой окончился. Я старался, но журналиста из тебя сделать не смог. А похождения твои на рынке тоже не того... Одним словом, хулиганов я держать не могу. Сам понимаешь...»

Я сидел на «сковородке», будто перед отъездом в незнакомую грустную дорогу. Последние минуты перед прощанием всегда дороги и тяжелы. Сейчас редакция стала для меня особенно близкой и родной. Прощай, мой милый «катафалк» возле двери, прощайте, замушенные папки с письмами, которые я забыл убрать в ящик. Прощайте и вы, Расул Расулович. Не хочу оправдываться. Скажу только — и редакторы иногда ошибаются...

Шло время, а Расул Расулович не гнал меня, не кричал, не топал ногами. Сначала он прочитал какую-то заметку, потом положил на мою руку свою легкую теплую ладонь и начал что-то тихо и убежденно объяснять.

Я не слышал ни одного слова. Я оглох от радости. Я только чувствовал тепло редакторской руки, знал, что я снова в редакции и все это снова мое. Лицо у меня было, видимо, глупейшее. Расул Расулович поднялся и голосом, который сразу же дошел до меня, сказал:

— Когда редактор дает задание, надо слушать. Кстати, чего ты улыбаешься? Тут нет ничего смешного.

Расул Расулович повторил все сначала. Мы отправляемся на поиски Лунева и его побратима Давлятова. Десять человек. Расул Расулович выпросил денег в горкоме комсомола. Остальные мы заработаем сами. Мы будем писать в газету корреспонденции, печатать странички из дневников, будем изучать в пути свой родной край.

— Надо достать пару палаток, — сказал Расул Расулович. — Ты поищи завтра, Саша. Может, у геологов... И список участников похода набросай. Хоб?

— Сделаем, Расул Расулович.

— Прекрасно... вопросы есть?

Меня мучил один вопрос. Я отважился и, будто мимоходом, спросил:

— Расул Расулович, кого назначим старшим?

В комнате горела только настольная лампа с черным, похожим на лошадиное копыто абажуром. Мне были видны лишь освещенный белым светом лист бумаги, правая рука редактора и кончик его острого и темного от жестких коротких волос подбородка.

— Я думаю, надо подобрать толкового и расторопного человека, — сказал Расул Расулович. — Горком поможет. Не волнуйся...

В душе у меня беззвучно оборвалась какая-то нитка. Она связывала меня с тем делом, которое я решил распутать и довести до победного конца вместе с Олимом, Муслимой и сибирским мальчишкой Игнатом. Теперь это дело у меня хотели отнять и поручить какому-то «толковому и расторопному человеку».

Я стоял возле редактора и ждал, хотя ждать мне было уже, по существу, нечего. Расул Расулович прочел юнкоровскую заметку, подчеркнул что-то красным карандашом и спросил:

— Ну, что у тебя еще?

— Больше ничего, Расул Расулович.

Он взял новую заметку, перелистал странички, посмотрел на подпись и положил возле себя.

— Ты, Саша, сходи к Игнату. Расскажи ему о походе. Хоб?

— Хоб, Расул Расулович.

— Надо, чтобы он скорее перезнакомился с ребятами и подружился.

— Хоб, Расул Расулович, хоб...

Утром в редакцию я не пошел. У меня было задание — достать две палатки. Я надел для солидности свою новую клетчатую куртку, нацепил галстук и вышел из дома. И тут возле самого крыльца я увидел Олима Турдывалиева. Глаза у него были заспанные, штаны и рубаха смяты. Похоже, этот гражданин всю ночь сидел на скамейке у подъезда и ждал меня.

Я поздоровался с Олимом и даже справился о его здоровье. Олим пожал руку, ответил, что на здоровье не жалуется, и зашагал рядом со мной. Он даже не спросил, желаю я или не желаю, чтобы всякие посторонние тащились за мной хвостом.

Идти рядом с человеком, который считает тебя своим другом, и молчать неприлично. Тем более Олима молчаньем не воспитаешь. Не такой это человек. Я рассказал Олиму про вчерашний разговор с редактором и еще про то, что я иду сейчас к геологам доставать палатки для похода. В путь отправится десять ребят. Разумеется, самых деловых и расторопных.

Олим услышал про поход и сразу же просялся. Это был человек практической складки. Загибая один палец за другим, он начал подсчитывать, сколько мы возьмем в поход крупы, сахару и так далее. Не упустил Олим и чисто административные дела. Меня он назначил на пост начальника похода и главного распорядителя кредитов, себя — заместителем, Муслиму — поваром и медицинской сестрой, а Игната — завхозом, поскольку он человек расчетливый и бережливый.

Должность заместителя как-то сразу придала Олиму особый вес и осанку.

— Между прочим, палатки мы достанем в два счета, — сказал он. — У меня во Дворце пионеров знакомый. — Пойдемте, рафик Нечаев. Со мной не пропадете.

Олим подробно проинструктировал меня, куда именно идти, с кем говорить и как выпрашивать эти палатки.

— Во Дворце есть секция «Изучай свой край», — сказал Олим. — Там этих палаток тьма.

— Им же самим нужны...

— Не, им не нужны, — сказал Олим. — Они энциклопедию зубрят.

— Сочиняешь?

— Между прочим, Александр Иванович, я не сочиняю. В прошлом году они везде ходили, даже в Гарме были. А теперь там вместо руководителя чурбан. Честное слово!

Я сделал Олиму замечание. Нельзя разбрасываться такими словами. К тому же взрослые — есть взрослые. Дети не всегда в состоянии понять и оценить их поступки.

Олим смотрел в землю. По лицу его неровными пятнами разлился густой румянец. Пальцы на руках чуть-чуть вздрагивали. Мне стало жаль его.

— Ты, Олим, не обижайся, — сказал я. — Кто-то распустил слухи про вашего руководителя, а ты повторяешь. Так нельзя...

— Я не от других знаю, — глухо сказал Олим, — я знаю от себя. Я у него в секции был. Он меня кружком обвел.

— Каким кружком?

— Обыкновенным. Я говорю: «Хватит энциклопедию зубрить, пошли в поход», а он говорит: «Это не твое дело. Я тебя кружком обведу».

— Интересно... А дальше что?

— Ничего. Взял журнал и обвел мою фамилию кружочком. После этого я секцию бросил. А больше ничего не было. Это все.

Мы шли с Олимом молча, занятые каждый своими мыслями. Из головы у меня не выходил дурацкий карандашный кружочек.

Я понимал, что переживать, в сущности, нечего. На кружочек надо плюнуть и забыть. И все же на душе было мутно. Что ни говорите, а это очень неприятно — жить и знать, что твоя фамилия обведена кружочком.

С палатками у нас никакой волокиты не было. Директор Дворца пионеров принял нас, как министров. Усадил на стулья, угостил газировкой из сифона, а потом сел к столу и написал записку на склад.

— Может, вам еще что-нибудь надо? — спросил он. — Вы не стесняйтесь. Мы сейчас в поход не пойдем. У нас тут... В общем, у нас нет пока подходящего руководителя.

Мы простились с директором и пошли на склад. Олим был недоволен мною.

— А чего вы топорики не взяли? — спросил он. — Директор же давал.

— Топорики не нужны.

— Между прочим, Александр Иванович, вы ошибаетесь.

— Ладно. Прекратим.

— Как хотите...

Дальше мы шли молча. Я не стал объяснять Олиму, что начальником похода будет кто-то совсем другой и я не имею права брать на складе походные котелки, топорики, бинокли, компасы и так далее. Кто я, в самом деле, — техническое лицо, джин в бутылке, туманность Андромеды, грузчик, которому поручили доставить палатки? Не сказал я Олиму и про него самого. Возможно, и его ждут неприятные сюрпризы. Зачем зря расстраивать?

На складе мы долго шуровали в ворохе жестких, пропахших солнцем и травами палаток. Мы с Олимом взмокли от усердия, но зато выбрали самые легкие, самые прочные и самые непромокаемые палатки. Олим взвалил на плечо одну, я другую. Крякнули, посмотрели друг на друга и тронулись в путь.

Мы отнесли палатки в редакцию. После этого я пошел к Игнату выполнять поручение Расула Расуловича.

Двор Муслимы был обнесен вокруг дувалом. По тоненьким жердочкам карабкался вверх дикий виноград. Игнат сидел под деревом на круглом трехногом табурете. Левой рукой он придерживал на сапожной лапе туфель Муслимы, а правой вколачивал в подметку гвозди. У ног Игната валялось еще несколько пар старых туфель и рыжие мухи с отставшей

подошвой. Рядом на фанерном ящике стояли банки с клеем и гвозди, лежал моток дратвы и кусок желтой липкой канифоли. Над ящиком кружила синяя, как дым, стрекоза.

Я поздоровался и стал смотреть, как работает Игнат. Я всегда завидовал людям, которым труд в радость. Хотел сам работать легко и красиво, без нажимов и толчков в спину. Я стоял возле Игната и смотрел, как стучит-играет по каблуку и подошве молоток. Хорошо!

Молоток сам просился мне в руки. Но у меня уже был кое-какой опыт. Я знал, что легкость и простота наживаются трудом большим и въедливым. Я смотрел на Игната и помалкивал.

Игнат отложил в сторону готовый туфель, взял другой.

— Я к тебе по делу, Игнат, — сказал я. — Мы скоро идем в поход, искать Лунева.

— Я знаю, — сухо сказал Игнат. — Мне рассказывали.

— Ты недоволен?

Игнат не поднял ресниц. Он надел на железную лапу туфель и стал примеривать к нему кусок рыжей морщинистой кожи. Прибил для начала двумя гвоздями, обвел шилом линию вокруг и сказал:

— Как хотите, Александр Иванович, а я с вами не пойду. Вам игрушки играть, а мне надо дядьку найти. Мать совсем извелась. За чужой щекой зуб не болит!

Я растерялся. Откуда у Игната такое пренебрежительное отношение к друзьям и делу, которое для всех нас уже стало близким и своим?

— Тебя кто-нибудь обидел, Игнат?

Игнат отрицательно качнул головой.

— В чем же дело?

— Я уже сказал.

— Значит, не едешь?

Игнат молчал.

— Ну, хорошо. Тогда я расскажу ребятам...

Игнат чуть-чуть склонил голову, посмотрел на меня из-за круглого полуопущенного века.

— Что расскажете?

— То, что для тебя дружба ничего не стоит.

Лицо Игната потемнело.

— Я вам этого не говорил, — резко и отрывисто сказал Игнат.

— Я сам вижу.

— Не так видите. Я за дружбу куда хошь — и в воду и в огонь. Сначала узнайте, а потом...

— Слова, Игнат, это еще не все...

— А что для вас «все»?

— Ладно, не будем спорить. Если ты отказываешься от нас, поход отменяется. Понятно?

— Ну, понятно.

— Я тебя спрашиваю: пойдешь или не пойдешь?

Игнат вбил несколько гвоздей в подошву. Повертел в руках молоток, посмотрел на острый двухжальный кончик, которым дергают гвозди, и сказал:

— Я не знаю. Я подумаю.

Все слова уже были сказаны, и все было ясно. Я встал и пошел к выходу. Игнат даже не поднял головы. Молоток его стучал на весь двор.

Я шел по улице, ругал себя за то, что не нашел с Игнатом общего языка, за то, что говорил пустые равнодушные слова, которые не затрагивают сознания и скачут мимо памяти. Я до того ненавидел себя в эту минуту, что хотел ударить кулаком по лицу. Но я не ударил. Человек всегда щадит себя или бьет вполсилы.

УГОЛЕК В ГЛАЗУ

В конце редакционного коридора есть большая комната. Там стоит пианино, стол, накрытый красной скатертью, а возле стенок — стулья. В комнате всегда пусто и тихо, как в осеннем саду.

Сегодня в этой комнате Расул Расулович назначил собрание родительского актива. Я уже знаю повестку дня. Она написана на пригласительных билетах, которые вчера рассылала наша машинистка Саодат.

«Дорогой товарищ!

Приглашаем Вас на собрание родительского актива, посвященное обсуждению юнкорского похода.

Просьба не опаздывать».

До собрания еще целый час, но актив уже шумит и высказывается. Я три раза подходил к дверям и три раза слышал свое имя. Было совершенно ясно — там меня не хвалят. Хвалят у нас чаще всего, когда избирают или провожают на пенсию. Избирать меня некуда, а на пенсию, кажется, рановато.

Я сидел за своим «катафалком» и страдал: чего это они взбунтовались, чем им не понравилась моя физиономия?

Скорее всего узнали, что я тоже не прочь пойти в поход, и хотят дать мне на собрании от ворот поворот. Не станут же они просто так трижды поминать мою фамилию!

И редактора я тоже никак не мог понять.

С одной стороны, он вроде за меня, а с другой — совсем наоборот... То похвалит меня, обнадежит, то вдруг нахмурится и даже на вопросы не отвечает.

Подливали масла в огонь телефонные звонки. Только положит Расул Расулович трубку, уже снова — дзынь, др!

По телефону, видимо, говорили про меня. Не зря Расул Расулович косил глазом в мою сторону и отвечал как-то очень нерешительно и кратко:

— Да... нет... это слухи... сам боюсь...

Это надо было понимать так:

— Вы что, в самом деле хотите отправить в поход этого свистуна?

— Да...

— Это окончательно?

— Нет...

— Слышали, что он отмочил на рынке?

— Это слухи...

— А он не подведет нас под монастырь?

— Сам боюсь...

Я расстроился и даже не заметил, как вышел редактор и разбрелся один за другим наши сотрудники. Кто в столовую, кто за пачкой сигарет, а кто в палатку хватить на лету кружку пива.

Привела меня в чувство машинистка Саодат. Она пришла с актива, записывала там выступления и предложения.

— Саша, — сказала Саодат, — тебя зовет Расул Расулович. Иди скорее.

Лицо Саодат сияло: она всегда радовалась чужим радостям. За это ее все любили. Я тоже.

— Чего же ты сидишь? — удивилась она. — Тебя назначили старшим похода. Расул Расулович сам сказал.

Я посмотрел на Саодат, будто сквозь туман, и поплелся в комнату, где заседал актив. Я переволновался и теперь ничего толком не соображал. Мне задавали вопросы — кто я такой, с кем вожусь и, вообще, какие у меня убеждения и взгляды. Про водку и папиросы тоже спрашивали.

Вопросов было много. Я терпеливо отвечал: «Не пью, не курю. Нет, нет, нет».

После актива Расул Расулович усадил меня на «сковородку», вынул из стола карту Таджикистана и сказал:

— Давай поговорим о маршруте...

Я удивленно посмотрел на Расула Расуловича. Об этом уже сто раз говорили. Идти надо по реке Сурхоб. Лунев в своем письме писал — он будет жить возле реки с названием «Красная вода». Сурх по-таджикски — красный, а об — вода. Все понятно.

Расул Расулович покачал головой, будто слышал мои мысли.

— Нет, Саша, туда идти нечего, — сказал он.

— Как нечего?

— Очень просто. Сергей Лунев писал — его ошна Давлятов выращивает хлопок. Так?

— Ну, так...

— А возле Сурхоба хлопок не сеют. Ты что, не знаешь?

Вот это да! Как же я не подумал об этом раньше!

Редактор взял со стола карандаш, прочертил на карте жирную красную черту. Она начиналась возле Дюшамбе и заканчивалась внизу карты, возле голубой извилистой речушки с узбекским названием Кызыл-су, или, по-нашему, — красная вода. Там сеют хлопок. Значит, где-то там надо искать Давлятова и его ошну Сергея Лунева.

Я понял все. Кызыл-су — красная река, а я — шляпа и разгильдяй. Если бы не Расул Расулович, я бы увел отряд в другую сторону...

Расул Расулович не стал читать мне прописных истин и колоть глаза ошибкой. Он включил настольную лампу, вынул из среднего ящика длинную бумажку с штампом и начал заполнять ее. Это было командировочное удостоверение. Путевка в жизнь. Мое счастье.

Расул Расулович поднялся из-за стола. Он всегда вручал командировочные удостоверения стоя. Так вручают аттестаты в школе и ордена на фронте.

— Вот тебе командировочное удостоверение, а вот деньги, — сказал Расул Расулович. — Деньги зашей в карман куртки. Тут немного. Но ничего... Отъезд через два дня. А сейчас иди, собирай свою гвардию...

Расул Расулович вынул из кармана сложенную вчетверо бумажку и молча подал мне. Это был список участников похода, который я составлял вместе с Олимом, Муслимой и другими ребятами.

Я с тоской смотрел на бумажку и боялся ее развернуть. Я догадался, что в этом листке из тетрадки для арифметики сидит беда. Она ждет своей поры.

Расул Расулович понял мое смтение. Он взял меня за руку выше локтя и крепко сдавил своими тонкими смуглыми пальцами.

— Олима вычеркнули на активе, — сказал он. — Говорят, чересчур бедовый и вам с ним будет трудно. Иди, Саша...

На следующий день я два раза заходил к Олиму, но дома его не застал. Мне кажется, Олим прятался от меня. Мне было очень неприятно. Я чувствовал себя виноватым.

Не появлялся Олим больше и в редакции. Не было его и на вокзале, когда мы грузили в пригородный поезд наши палатки, вещевые мешки и прочий походный скарб.

На вокзал пришел провожать меня Каримов-ота, который живет в нашем дворе. Раньше он работал на железной дороге, а теперь он на пенсии. На станции и в депо у Каримова-ота много друзей-приятелей. Его пускали всюду без пропусков и удостоверений, как начальника станции или министра.

Больше всего Каримов-ота любил рассказывать о дорогах. Это понятно. Хлебороб рассказывает о хлебе, чабан о своей отаре, а машинист о дороге и ветрах.

Первый поезд пришел в Дюшамбе в 1929 году. На паровозе был Каримов-ота. Поезд встречал весь город. Кругом были флаги. Каримову-ота кричали «ура». Ему много лет, но он по-прежнему любит ездить.

Каримов-ота знает все дороги и тропы, которые ведут в мир из Дюшамбе. Одна бежит через перевалы и речки к узбекам, другая — к казахам, третья — к украинцам, а четвертая — к русским друзьям...

До отхода поезда оставались минуты. Каримов-ота подвел меня к двери вагона, погладил ладонью по груди и, растягивая слова, сказал:

— Хорошая это дорога, Саша!

— Я знаю, бобо¹⁾.

— Ты этого не знаешь, Саша! — недовольно сказал Каримов-ота.

— Ты прав, бобо. Не знаю. Мне только показалось.

— Хоб. А сейчас знаешь, сколько дорог из Дюшамбе?

— Не знаю, бобо.

Каримов-ота укоризненно покачал головой.

— Восемьдесят восемь дорог, Саша!

Он посмотрел с гордостью и достоинством, будто сам проложил эти дороги к друзьям, пустил по ним поезда, вереницы машин и лихих локайских скакунов.

— Точно восемьдесят восемь дорог, — повторил он. — Сам считал!

Из репродуктора, который висел у нас над самой головой, гаркнул сначала по-таджикски, потом по-русски чей-то отрывистый резкий голос:

— Граждане пассажиры! Через пять минут с первого пути отправляется пассажирский поезд. Просим вас...

Каримов-ота прижал меня к груди, приподнял вверх, похлопал по спине и сказал:

— Ничего ты, Саша, не понимаешь!

¹⁾ Бобо — дедушка.

Я вошел в вагон и стал возле открытого окна. Около нашего вагона много знакомых и незнакомых людей. Вон отец Муслимы, вон мать Игната, а вон и моя мама. Она в темном ситцевом платье и черном платке, который прикрывает лоб. Мама боится за меня. Теперь я у нее один. В сорок четвертом с этого же вокзала уехал на войну мой отец, а потом старший брат. Дома, в небольшом черном ящике, лежат две похоронные. Это все, что осталось нам на память о моем отце и брате.

Сейчас мама не плачет. Она улыбается. Но в глазах у нее боль и тоска. У нас в Таджикистане говорят: «Сына нельзя провожать в путь слезами. Пусть в пути у него будет легко на сердце». Я машу маме рукой: «Ну зачем же ты, мама, так расстраиваешься? Сейчас же не война...» Мама отвечает мне все той же грустной улыбкой. Ее не переубедишь...

Паровоз дал свисток, поднатужился и дернул вереницу зеленых, слинявших на адском солнце вагонов. На миг в толпе мелькнула знакомая физиономия. Олим! Нет, показалось. Это какой-то другой мальчишка. Он стоял на перроне, махал нам тюбетейкой и что-то кричал. Но колеса уже стучали вовсю, и мы ничего не слышали.

Грустные мысли только тронь с места. Я смотрел в окно и ничего не замечал вокруг. Я был совсем несчастным и одиноким. И случилось очень стыдное и глупое — я вдруг почувствовал, что у меня по щеке ползет слеза. И этого уже нельзя было скрыть. Рядом стоял мальчишка и удивленно смотрел на меня. Он все видел. Я пропал!

У меня было два выхода — честно признаться, что я пустил слезу, или схитрить. Признаться я не мог. Мне было стыдно. К тому же я сам не знал, как объяснить эту минутную слабость. Я помедлил еще секунду-другую, а потом схватился рукой за глаз и отпрянул от вагонного окна.

— Ое-ей! Попало в глаз! Ое-ей!

Ребята облепили меня со всех сторон. Поднялся шум, суета.

— Как же это вы, Александр Иванович? Скорее носовой платок! У кого есть платок?

Ко мне протиснулась Муслима. Разорвала пакетик с бинтом, раздвинула большим и указательным пальцем мокрое от слез веко и строго сказала:

— Смотрите вверх! Теперь влево. Так... еще...

Ребята замерли в ожидании. За каждым движением моего зрачка следило двадцать пристальных цепких глаз.

— Вон-вон, справа! — кричали они. — Да не там же! Вон оно! Цепляй! Тащи!

Моего века коснулся острый жесткий угол бинта. Секунда — и свершилось. Я открыл глаза и увидел на самом острейшем бинта крохотную черную точку.

— Ур-ра! — закричали ребята. — Ур-ра!

Поезд миновал городскую черту и теперь тащился среди зеленых полей. В окна затекал яркий накаленный добела зной. Я смотрел на ребят, ребята смотрели на меня. Как хорошо, когда светит солнце и вокруг столько друзей и в глазу больше нет черного колющего уголька!

Под вагоном весело стучали колеса. Возле открытых окон стояли ребята. Пять с правой стороны и пять с левой. В окно видны вершины гор и кончик телевизионной вышки. Рядом с поездом по серой пыльной дороге бежит грузовик. Шоферу хочется перегнать нас, но у него ничего не получается. Машинист паровоза тоже заметил конкурента и нажимает на все железки. Шофер машет нам издали кулаком и смеется.

Еще минут тридцать-сорок — и мы в Орджоникидзеабаде. Там найдем грузовую машину или попутный караван верблюдов и поедем дальше. Я уже ездил на верблюдах. Они послушны, добры и любят песни. Впрочем, может, они только притворяются. Кто их знает!

Просить таджика спеть песню не надо. Где таджик, там и песня, а где песня, там и таджик. Он сам их сочиняет и раздаривает горам. Я родился в Таджикистане и тоже считал себя немного таджиком. Я стал тихонько напевать. Хороша была песня или нет, я не знаю. Ее слышали только я и ветер за окном.

Радости и печали живут в мире наших мыслей да и в самой жизни где-то очень недалеко друг от друга. Сегодня я еще раз убедился в этом. Не успел я до конца пропеть своей песни, меня кто-то тихо, но настойчиво дернул за куртку. Я обернулся и увидел Муслиму. Лицо у нее было озабоченное и растерянное.

— Ты что, Муслима?

Муслима прислонила ладонь к губам и зашептала:

— Александр Иванович, Игнат пропал!

У меня потемнело в глазах.

— Как пропал? Вон же он...

Я повел глазами по вагону. Игната на прежнем месте не было.

— Я же вам говорю — нет, — сказала Муслима. — Я уже везде искала.

Я сказал Муслиме, чтобы ребята никуда не ходили и ждали меня, а сам отправился разыскивать Игната. В нашем вагоне его и в са-

мом деле не было. Уборные были уже закрыты, а на запыленных подножках гулял только ветер. Молодой усатый проводник, который собирал в тамбуре окурки в совок, оказался нервным и вспыльчивым. Он даже не выслушал меня как следует и сразу начал кипятиться и кричать.

— Какой мальчишка? Зачем мальчишка? Зачем туда-сюда ходить? Садись на место!

Я вежливо обошел сердитого проводника и отправился по составу. Не мог же он, этот Игнат, выпрыгнуть на ходу!

Игната я нашел в самом последнем вагоне. Положив щеку на ладонь, он задумчиво смотрел в окно. Возле ног Игната белел полотняный, по-хозяйски уложенный мешок и лежала суковатая палка из молодого ореха. Наверно, от собак.

Я сделал вид, будто не заметил мешка Игната и вообще не догадывался, что он навострил лыжи.

— Ах, ты здесь! — сказал я. — Пойдем скорее. Сейчас Орджоникидзеабад.

Игнат молчал.

— Чего же ты сидишь?

В ответ опять ни слова.

— Не понимаю я тебя, Игнат. Сказал — поеду. А сейчас снова в кусты смотришь.

— Я, Александр Иванович, в кусты не смотрю. Я вам все рассказывал.

— Но ты же согласился ехать?

— Это мать за меня согласилась. Вы сами знаете...

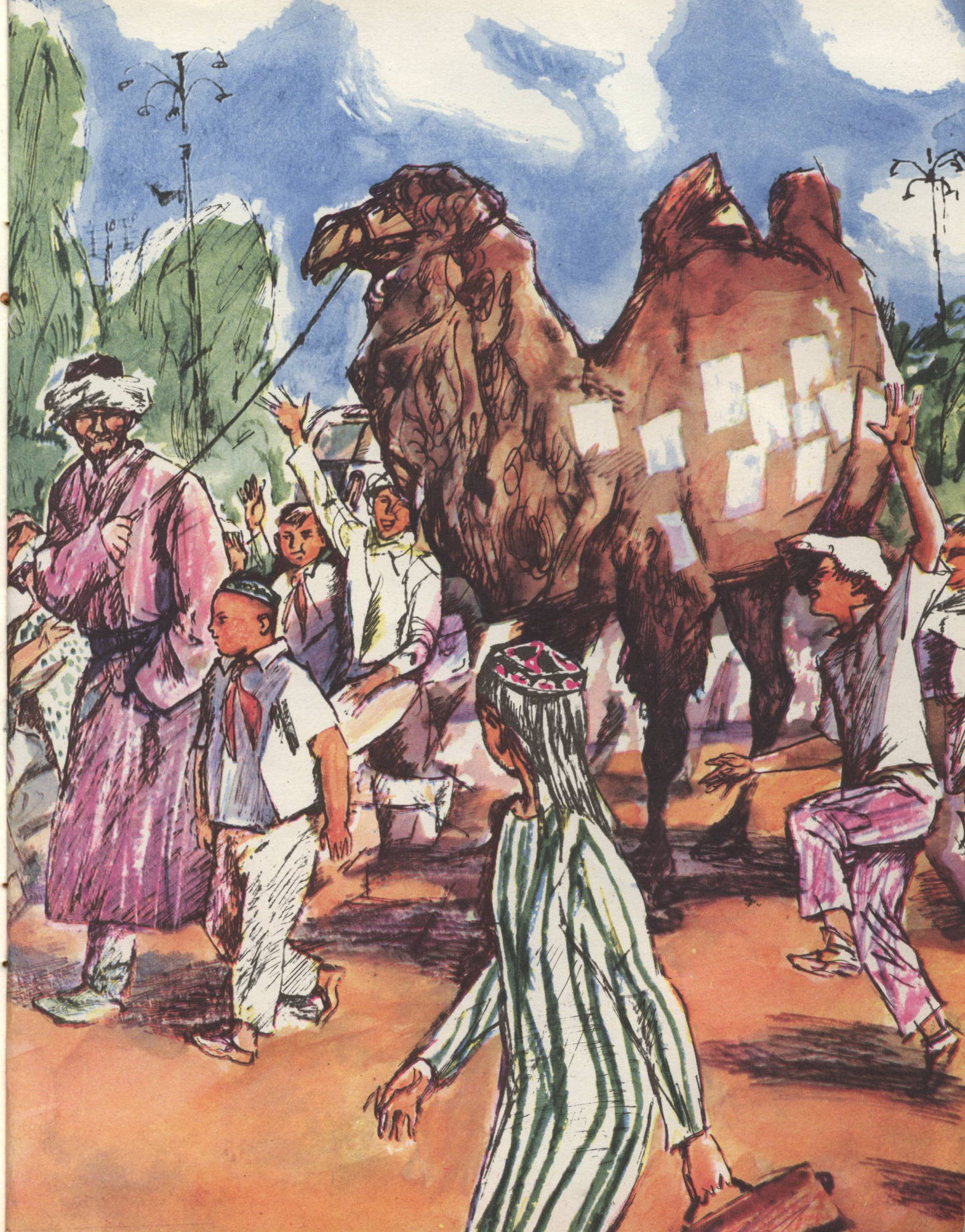
Издали загудел наш паровоз. Гулкое эхо побежало по железным крышам, прыгнуло с вагона и умчалось в горы. Поезд замедлял ход. Раздумывать было некогда.

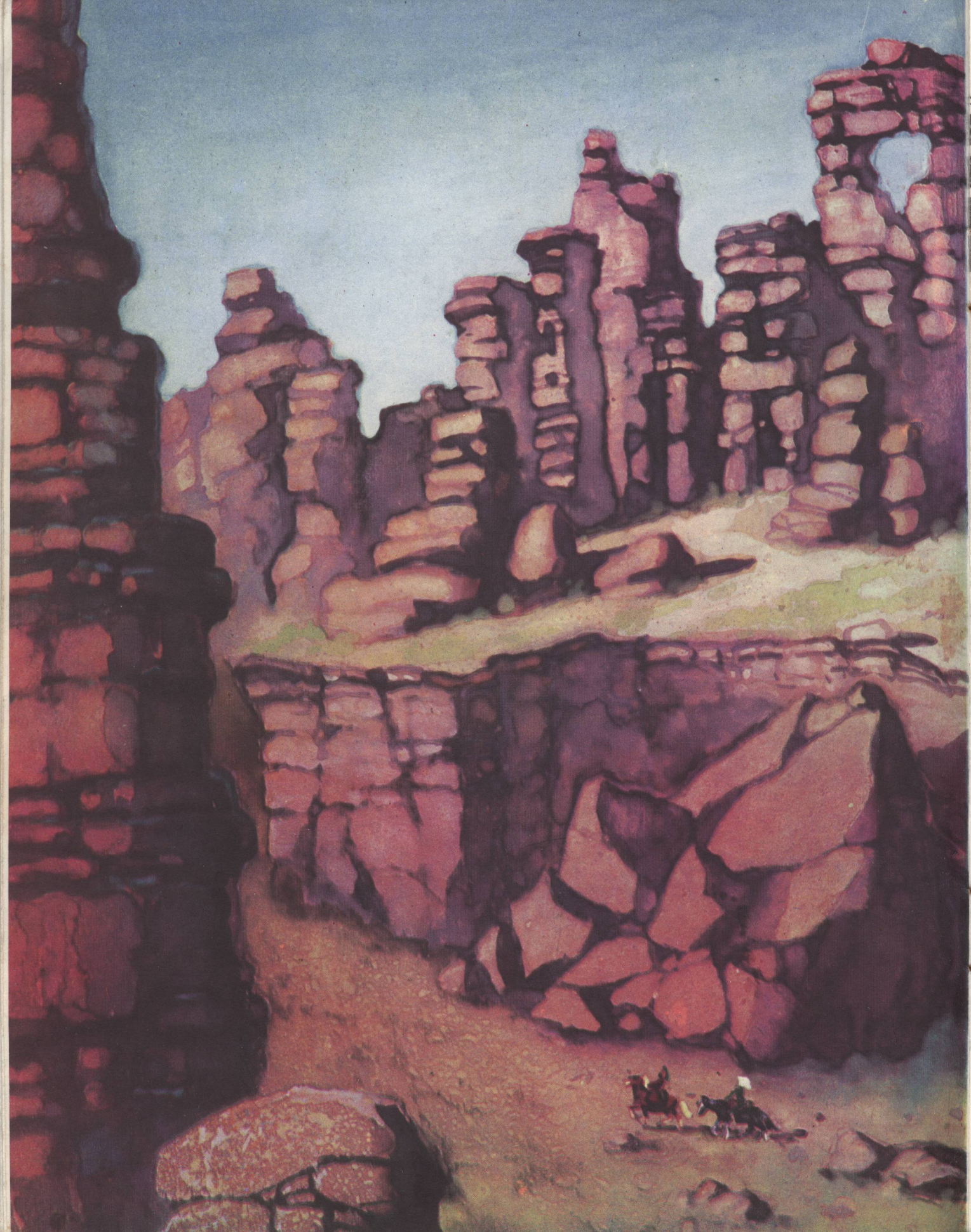
— Ну что ж, Игнат, — сказал я. — Дело твое. Не хочешь быть с нами, езжай сам. Мы тебя не держим. Только давай все честно и открыто. Пошли к ребятам.

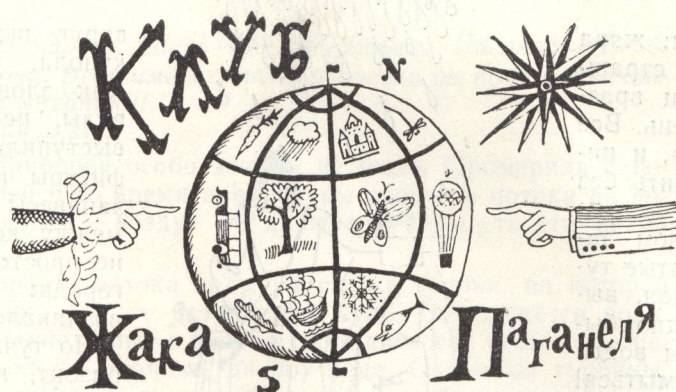
Поднял ли Игната с места гудок, который сообщал о конце пути и звал всех к порядку, или мои слова — не знаю. Игнат встал, молча бросил на плечо свой мешок и пошел к двери.

Мы шли из одного лязгающего железом тамбура в другой. Машинист не рассчитал времени. Паровоз снова пыхтел изо всех сил. Вагоны озабоченно цокали на стыках и покачивались. Хватаясь на ходу за что попало, мы с Игнатом добрались, наконец, до своего вагона. Ребята уже собрали в кучу вещи, нацепили рюкзаки. Они поглядывали на нас и молчали. Мы тоже молчали.

Продолжение следует

Сегодня мы продолжаем изучать пустыню, самую настоящую пустыню. Красный каньон, откуда член-корреспондент Клуба Николай Иванович Сладков продолжает присылать донесения, находится поблизости от Балхаша.

Щебнистая пустыня вокруг, похожая на гигантский, позеленевший от времени медный щит. Медь — это щебень, побуревший от солнечного загара. Зеленъ на меди — жидкая щетинка сизой полыни. Темные пятна, похожие на озера, — тени от облаков.

На краю пустыни — горы, как старые медные купола, с позеленевшими боками.

Между пустыней и горами треснула и разверзлась земля, открыв взору глубокий красный каньон. Смотришь вниз — кружится голова. Глубоко-глубоко по самому дну плавные извивы ручья. В нем давно нет воды: дно сухое, как дорога, засыпано гравием и песком.

Идем по сухому дну, и щебень скрипит под ногами. Справа и слева — красные стены. А над ними — высоко-высоко! — узкая лента неба. Неба, раскаленного добела. В небе — черная точка — гриф.

Ущелье до краев налито зноем. От красных стен пышет зноем, жаром. Все время то тут, то там что-то сыплется и шуршит. Это лопаются от солнца камни и трескаются глыбы глины. И тишина от этих шорохов беспокойная и настороженная. Все время кажется, что кто-то крадется или ползет...

Никак не отделаться от ощущения, что ты не просто в природном каньоне, а в покинутом и забытом городе древних. Вот крепостная стена: видны ниши-бойницы. Вот просто стены домов: окна, двери, ступени. Замки с готическими пирамидками, башенками, шпилями. Защитные валы и рвы, разведенные мосты, воздетые в небо.

— Могу подтвердить, — перебил оратора Паганель, — это зрелище природных крепостных сооружений поистине прекрасно. Я как бы перенесся в средневековье и только разум заставлял меня вернуться к действительности.

Все странно и непонятно: слепая природа вдруг создает красоту... для глаз. Вода и ветер — вечные зодчие земли! — творят нерукотворно...

Кто-то невидимый следит за тобой: смотрит в спину. То тут, то там выглядывает из бойниц и окошек. Прячется за выступами и в развалинах, а мо-

жет, это блики солнца играют? Кто-то шепчется в нишах и гротах — или это ветер шумит? Белые тропинки пересекали красные осыпи: кто-то ведь ходит по ним?..

И не хочется говорить громко, и все время хочется обернуться.

Сейчас можно не оборачиваться, сейчас некого тут бояться. Раз пересохла вода — значит, все живое ушло в горы. По белым тропинкам ушли горные козлы — теки. За ними ушли волки. Ушел и леопард, проживший в предгорье всю зиму. Что он был тут, видно по рогам тека: в-о-о-он валяются у того камня...

В тени кустика притаилась стрела — змея. Она дразнится язычком и ласково поворачивает изящной головкой с большими и круглыми глазами птицы. Страшные истории рассказывают казахи про эту змею. Будто прыгает она и пронзает человека, как стрела. Змея и впрямь на стрелу похожа: она тонка и стройна, движения ее стремительны и грациозны. Но опасна она только для ящериц, человеку она не причиняет вреда.

Сухо трещат цикады: жара от этого кажется еще страшней. Разморенный заяц вразвалку проковылял в тень. Все они: и заяц, и стрелка, и цикады могут подолгу жить без воды.

Вечером над каньоном зашвыстывал ветер. Косматые тучи, сверкая и громокая, выползли из-за горы. Видно было, как жаждет земля воды: остыть, пропитаться, омыться!

Хлынул дождик и куда-то исчез! Дождь не долетел до земли, он испарился в горячем ветре. Это был «сухой дождь», который бывает только в пустынях.

— О, — вскричал Паганель, — я был несказанно рад наблюдать это редкое и интересное явление природы!

Зато какая радуга опустилась прямо в каньон! Какие

вдруг высветлила она в нём купола, пагоды и минареты. Как зловеще зачернели провалы, пещеры, гроты. Какие выступили колонны, резные фигуры и силуэты. Багровые занавесы из камня повисли между колонн. Это были уже не просто развалины древнего города: сказочное царство возникало у нас на глазах.

Но туча надвинулась на горизонт, потухло солнце, и радуга и сказочный город утонули в темноте...

Еще не раз зайдет на заседаниях Клуба разговор о поэтических уголках нашей страны. Документальный рассказ путешественников и краеведов.

Всех членов Клуба просят, наконец, расположиться вот так этим круглым столом.

Рассказ об интересном советском ученом Александре Александровиче Голеевском, или продолжение ученого спора Паганеля с мальчишкой по прозвищу „профессор кислых щей“

Есть такая наука — динамика. Она изучает законы движения. Скажем, гидродинамика. В ее ведении законы движения воды. Где течение быстрое, а где медленное? Отчего образуются водовороты? Можно ли предсказать повышение уровня воды в реке?

Правильные ответы позволяют строить пароходы и орошать поля, ловить рыбу и предупреждать наводнения.

Или аэродинамика. Она занимается воздушными потоками. Ее стремительное развитие относится к началу XX века. Естественно, конструкторов, создававших самолеты, дирижабли, аэростаты, не могли не заинтересовать законы движения воздуха.

Воздушный поток... Но ведь это тот же ветер! Ветер, треплющий флаги на улицах, срывающий шапки с пешеходов, надувающий паруса яхт в заливе.

Сначала думали, что чем ближе к поверхности тела, возле которого мчится ветер, тем меньше становится скорость воздушного потока. Это кажется правильным. Стоит присесть, пригнуться во время сильного порыва ветра, и он ослабевает, уже не рвет шапку с твоей головы.

А что же дальше? Как ведет себя поток на самой поверхности тела?

Вот тут и начинается разговор о так называемой «чистой» науке.

Теоретики аэродинамики хорошо владели пером и бумагой. Они были отличными математиками и вычислили: на поверхности теласкорость должна быть равна нулю.

Математика — это царица наук! — не удержался Паганель. Вспомните великого Ньютона. Ведь именно математически он вывел величайшие законы небесной механики!

Рассказчик продолжает:

Провели опыт. Приборов особо точных не было. Промерили с помощью существовавшей в то время аппаратуры скорость потока на поверхности тела и увидели — воздух не движется, скорость его равна нулю.

Промерили и скорость потока воды на стенке трубки, по которой мчалась струя, получили тот же результат — нуль. Не движется вода, как бы прилипает к стенке. Опыт и теория сходились как нельзя лучше.

Все было бы в полном порядке, да вот беда. Огромные турбины, вырабатывающие электроэнергию, и гребные винты пароходов работали в воде с меньшей силой, чем та, на которую рассчитывали конструкторы. А иногда вода разрушала их поверхности. Станный факт? И таких фактов оказалось не мало. Например, всем известно, что река движет по дну русла наносы. Морские волны оставляют на мелководье рябь. Как объяснить все это, если в качестве основной мерки брать пресловутый нуль?

Словом, поводов для сомнения оставалось достаточно. Важно было другое — найдется ли человек, который станет сомневаться? Таким человеком оказался профессор Голеевский.

Голеевский перепробовал не одну специальность. Был военным летчиком. В личной книжке красноармейца Голеевского записано: «Воинское звание — летчик. Должность — летчик. Участвовал в германской кампании и гражданской войне».

Доводилось ему работать кочегаром на паровозе. Позже получил диплом машиниста. Да не какого-нибудь, а первого класса. И только потом стал ученым.

Простите, — опять встрял Паганель, — я не совсем понял: профессор Голеевский работал кочегаром, был машинистом? Так как же он стал ученым?

Удивление Паганеля понятно. Ученый XIX века, он не принял во внимание, что совсем молодым человеком профессор Голеевский начал работать уже в советское время. А в нашей стране путь от станка в науку — счастливый удел многих людей.

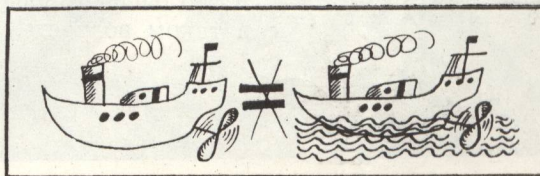
Итак, Голеевский задумался, а действительно ли газ или жидкость прилипают к поверхности тел, действительно ли скорость потоков при соприкосновении с телом исчезает, превращаясь в нуль?

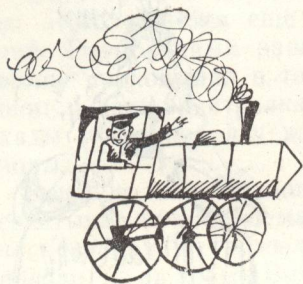
Казалось бы, ерунда — нуль или не нуль. Но известно ведь — вода точит камень. И капля за каплей вода крошила, разрушала металл лопастей корабельных винтов, гидротурбин.

Двадцать лет потребовалось Голеевскому, чтобы получить первое научное доказательство своих сомнений. Особо точный прибор, гидрофон — он улавливает в воде звуковые волны — помог услышать царапание воды о металлическую стенку. А ведь это и значило, что вода не останавливается возле стенки, движется вдоль нее!

Нельзя сказать, чтобы доказательства Голеевского приняли безоговорочно. Они показались необычными. А математика — наука строгая: получается нуль, значит, нуль и должен быть. Нарушишь одно только это условие, вся теория рассыплется, словно картонный домик.

Ученые успели привыкнуть к классическим законам динамики. Авторитетными и незыблемыми, не подвластными течению времени стали эти

законы. Несколько поколений инженеров не проводило без них ни одного сложного расчета...

Голеевский и его единомышленники не сдались. Киноаппарат и микроскоп позволили им получить кадры, неоспоримо показывающие, как поток воды производит мельчайшие разрушения на поверхности омываемого тела.

— Да, — как бы про себя произнес Паганель, — я понимаю, микроскоп раскрывает нам невидимое. Но киноаппарат? Я помню первые интереснейшие опыты братьев Люмьер — фотография движущихся изображений. Но я был тогда далек от мысли, что кинематограф может стать орудием науки.

Истина восторжествовала! Проверили опыты ученых, создававших прежнюю теорию динамики. И выяснилось вот что.

Многие из прежних опытов были проведены с помощью настолько несовершенных приборов, что никак не могли дать правильных результатов. Ну, например, разве придет кому-нибудь сейчас в голову изучать звезды с помощью подзорной трубы? Или взвешивать атомы вещества на аптекарских весах с гирьками?..

С другими опытами получилось и вовсе нехорошо. Оказалось, что их результаты просто-напросто... подделали.

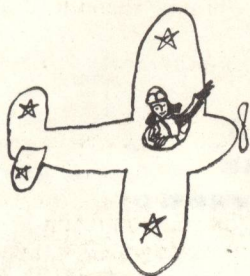
Когда основателя теории динамики, немецкого ученого Прандтля, спросили, что же такое могло получиться, он строго ответил:

— Они верили моей теории больше, чем своим глазам.

Он имел в виду своих учеников и, по-видимому, не очень был доволен ими...

Вот куда может завести безудержная вера в перо и бумагу, в незыблемые, слишком авторитетные правила.

* * *

— Да, — вздохнул профессор Паганель, выслушав рассказ, — и мне были свойственны подобные заблуждения, вот так и я, ни разу не побывав на Японских островах, однажды поместил их в атласе на территорию Америки. И до сих пор не могу простить себе этой ошибки!..

— Извините, — неожиданно обратился к автору мальчик. — А стоило ли столько времени тратить на то, чтобы вместо одной теории создавать другую?

Положительно, у этого мальчика вопросов было больше, чем нужно!

— Один великий ученый сказал: «Нет ничего практичнее, чем правильная теория». Из правильной теории, — объяснил ему автор, — люди рано или поздно сумеют извлечь пользу.

— А из теории Голеевского? — не отставал мальчик.

— И из нее тоже. Да вот хотя бы: Голеевский сумел создать новый тип бесшумного мотора. Ведь ты, надеюсь, не забыл, что через глушитель выходит поток отработанных газов?

— Да, — поспешно сказал мальчик и почему-то покраснел.

— Так вот, Голеевский предложил вернуть эту струю обратно и сделал мотор более мощным. Представляешь: бесшумные автомобили, бесшумные корабли, бесшумные заводы...

Больше мальчик ни о чем не спрашивал автора. Он задумался. А это очень хорошо, когда мальчики начинают задумываться. Особенно в таком возрасте.

Член-корреспондент Клуба Ю. Колодин

„...ПОЖНУТ БУРЮ“

Место действия — Южный Вьетнам. Снимок сделан в штабе американской воинской части. Нью-йоркская газета «Уорлд джорнэл трибюн» разъясняет своим читателям, что вьетнамский мальчик, изображенный на фотографии, нанявшись в проводники к солдатам-карателям, умышленно завел их в минную ловушку.

«Уорлд джорнэл трибюн» не сообщает о дальнейшей судьбе мальчика — газета озабочена другим.

«Что могло возбудить в этом ребенке, которому, видимо, нет еще и четырнадцати, такую смертельную ненависть к нам?»

Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно обратиться хотя бы к тем материалам о событиях в Южном Вьетнаме, которые печатаются на страницах самой американской прессы.

Бывший солдат армии США Гордон Шеффер пишет в редакцию газеты «Кипшл таймс», выходящей в городе Медисоне, штат Висконсин: «Во время второй мировой войны я служил в танковой части и гордился своим участием в борьбе с фашизмом. Но сейчас я не вижу большой разницы между нами и гитлеровцами. Сжигая напалмом вьетнамских детей, мы поступаем ничуть не лучше нацистов, которые сжигали детей в печах Освенцима».

Корреспондент газеты «Балтимор сан» Джон Фойси сообщает из Южного Вьетнама: «В госпиталях Сайгона и Хюэ лежат, истекая кровью, сотни детей, страшно изуродованных новым оружием под названием «ленивый пес». Там же деловито спуют от одной койки к другой военные специалисты, изучающие его действие».

«Ленивый пес» — это бомба, начиненная тысячами мелких стальных игл, которые снабжены винтообразными крылышками. При взрыве, происходящем на высоте нескольких метров над землей, иглы вращаются с бешеной скоростью и рвут все живое на площади до семисот квадратных метров.

«В провинции Бен-Тре, — сообщает еженедельник «Нешнл гардиен», — американские самолеты сбросили отравленные конфеты. Более 20 детей, успевших собрать их и съесть, прежде чем вмешались взрослые, умерли в страшных мучениях на глазах у своих матерей».

И после всего этого оккупанты еще удивляются, почему они окружены глухой стеной вражды!

Кто сеет ветер — пожнет бурю!

Обзор Г. Александровича

НОВОЕ ИМЯ

РАССКАЗ

Леонид Радищев

Рисунки Т. Ксенофонтова

В тот день охота не задалась. Вскоре после полудня решили поворачивать домой.

Лесник был мрачен, неразговорчив. Единственный удачливый выстрел за весь день достался ему, а не Ленину, и это было особенно обидно.

— Ну зачем же так огорчаться?! — утешал его Владимир Ильич. — Поверьте, я очень доволен сегодняшним днем. Побродил по лесу, надышался свежим воздухом... Когда жил за границей — очень скучал по русской зиме. Такой, как у нас, нигде не бывает. И елок таких не увидишь, и сосен... Нет, это вы напрасно так огорчаетесь, ей-ей...

У лесниковой избушки, на дороге, стояли автосани. Шофер возился с мотором.

— Намерзлись тут, — сказал ему Владимир Ильич. — Идемте чай пить!

В тесной избе стоял самодельный стол, около него — чурбаки для сиденья. По стенам — связки сушеной травы, зеленые еловые ветки. Владимир Ильич с удовольствием оглядел этот нехитрый лесной уют, снял сумку, присел за стол.

Лесник хлопотал по хозяйству, подкинул сухих дровишек в плиту, чиркнул зажигалкой, поставил старый медный чайник. При этом он что-то бормотал про себя, как бы не решаясь начать разговор. Наконец не выдержал:

— Просьба к вам, Владимир Ильич, такая: вы этого тетерева возьмите с собой. По справедливости он ваш и есть! Прямо на вас вылетел...

Владимир Ильич сощурил один глаз, засмеялся:

— Летел на меня, а попали вы! Если уж говорить по справедливости, это именно ваша добыча — и законнейшая... А я все равно в выигрыше. Подумайте только — весь день ни одного телефонного звонка, ни записки, ни впросов, ни заседаний... Истинный отдых.

На плите бурно вскипел медный чайник. Бросив в него горсть какой-то заварки, лесник поставил на стол глиняные кружки, миску с грибами.

— Чем бог послал! Своего соления. Угощайтесь!

Владимир Ильич открыл сумку, достал из нее жестяную коробочку и небольшой бумажный пакет. В пакете оказались бутерброды, а в жестяной коробочке — мелко наколотый сахар.

— Угощайтесь, пожалуйста! Нет уж, не упрямитесь, а пейте с сахаром. Я вас слушался на охоте, а теперь извольте слушаться меня!

Горячий чай припахивал дымом, но от этого показался еще вкуснее. Уютно ворчал на плите чайник, потрескивали дровишки в печке. От плиты струилось приятное тепло. Хорошо, побродив чуть ли не с рассвета, посидеть вот так в тихой лесной избушке.

И вдруг тишина нарушилась. Отчетливо слышались за окошком чьи-то шаги по снегу.

Лесник встал. Поднялся и шофер. А в дверь уже постучали и, не дожидаясь ответа, вошел парень, одетый не по погоде — в легкой куртке, в суконном шлеме с поднятыми ушами.

— Привет честной компании, — бойко сказал он. — Дяде Егору честь-почетенье. Иду на завод мимо твоих хоромов, вижу, дымок из трубы! Как тут не заглянуть.

Лесник пробурчал в ответ что-то не очень приветливое, потом сказал шоферу, пристально смотревшему на пришельца.

— Знакомый это! С конного завода человек!

— А тут разве есть конный завод? — спросил Владимир Ильич. — Далеко?

Парень взглянул в его сторону, хотел, видно, что-то сказать, снял шлем, снова надел его. На широком, скуластом лице отразились и удивление и восторг.

— Товарищ Ленин! Ильич! — выговорил он наконец. — Я же вас узнал! Я же нынешней весной вашу речь слушал, на Красной площади. Вы с грузовика говорили!

Лесник нахмурился. Ему было известно, что Ленин любит отдохнуть незаметно, а тут назвался непрощенный человек.

Но Владимир Ильич не выказывал никакого огорчения:

— Так вы с конного завода? — обратился он к парню. — Присаживайтесь! Чай у нас горячий!

Парень сел на краешек чурбака. Он не отрывал глаз от своего собеседника. Невежливо смотреть с таким упорством, но парень, наверное, не в состоянии был думать об этом сейчас.

— А лошадей у вас много? — спросил Владимир Ильич. — А как с сеном?

Парень точно очнулся:

— Товарищ Ленин! — горячо заговорил он вдруг. — Завод наш близко. Версты три отсюда. Как раз у дороги. На вашей машине — десяток минут... Поглядите сами на наше хозяйство... У нас товарищ Зауринь Ян Янович комиссаром. Имеет два красных ордена, руку потерял в бою... И другие буденовцы работают...

Ленин задумался на секунду, вынул часы из кармана:

— Как, обернемся? — спросил он у шофера. — В Москву нам нужно поспеть к шести.

— Обернуться можно, Владимир Ильич, — ответил шофер. — Но только уж вы ненадолго. Иначе трудновато будет...

В первую минуту Ян Янович Зауринь совсем растерялся: вытянувшись по-военному, хотел отрапортовать председателю Совнаркома, но ни одно слово не приходило в голову.

А невысокий человек в полушубке, в шапке-ушанке говорил улыбаясь:

— Захотелось сегодня подышать чистым воздухом, побродить по лесу... Вот товарища Зинина повстречали с вашего завода... Он и показал дорогу сюда... Как вы здесь живете? Как дела идут?

— Дела у нас только начинаются, — ответил Ян Янович, — начинаем почти что на пустом месте.

И, уже совсем не волнуясь, рассказал, что здесь, в этом подмосковном лесном углу, был до революции конный завод, принадлежавший какому-то барону или графу. Были тут и породистые лошади, и целый штат конюхов, объездчиков и всякой прочей obsługi.

Перед самым Октябрем оборотистый барон или граф ухитрился распродать почти всех лошадей, а сам удрал за границу. От obsługi тоже почти никого не осталось. А в первые дни

революции — наверно, по наущению бывшего владельца — кто-то поджег конюшни, сарай. Но все же кое-какие строения с имуществом уцелели. Удалось собрать десятка полтора лошадей. И народ пришел хороший — из буденовских конников. Из старых работников тоже некоторые вернулись...

Владимир Ильич слушал, подавшись вперед, точно боясь пропустить хоть одно слово. Достал из кармана записную книжку, карандаш, сделал какие-то пометки.

— Наркомзем, военное ведомство помогают? — спросил он. — Не очень?! Это их прямое дело! Я им напомним, а вы, если понадобится, обращайтесь прямо ко мне!

За дверью комнаты, где шел этот разговор, слышались приглушенные голоса, скрип дощатого пола, кто-то отчетливо произнес: «Тише вы! Тише!»

— Владимир Ильич! — сказал товарищ Зауринь. — Люди знают, что вы здесь. Хотят войти!

— Что за вопрос? Обязательно! И я хочу их видеть!..

Шофер возился возле автосаней, разогревая мотор — боялся, как бы не застыл он на морозе. А мороз был крепкий, пожалуй, не меньше двадцати градусов.

Через полчаса шофер заглянул в комнату, где собралось все небольшое население конного завода. Картина была для него знакомая: никакой чинности тут не соблюдалось. Владимир Ильич, с шапкой в руке, стоял у стола, люди тесно сгрудились вокруг.

— Нет сомнения, что придет такое время, когда мы пересядем с коня на трактор, — говорил он. — Создадим машины в тысячи лошадиных сил... Но это в будущем. А пока мы еще нуждаемся в натуральной лошадиной силе...

— Еще не отжила лошадка свой век! — сказал кто-то.

— Совершенно верно, товарищ! — ответил Владимир Ильич. — Она требуется нам везде и всюду: и в городе, и в деревне, и для нашей Красной армии, — взгляд его упал на шофера, который подошел поближе. — А сейчас, товарищи, я должен уезжать, а то не поспею в Москву ко времени...

Толпою пошли провожать Ленина. Товарищ Зинин шел рядом — счастливый, сияющий, в шлеме, свернувшимся набок. Он чувствовал себя героем дня...

Вернувшись к автосаням, шофер с силою крутанул ручку мотора. Послышались оглушительные хлопки, машина дернулась несколько раз, окуталась черным дымом и заглохла,

Шофер снова завел ее. Владимир Ильич терпеливо ждал.

— Хоть и машина, а норов у нее, как у необъезженной лошади!.. — сказал товарищ Зинин.

— Норов такой, что глаз и глаз нужен, — озабоченно ответил шофер. — Да и корм не тот: ей бы чистого бензинчику, а мы ее поим какой-то немыслимой смесью.

Наконец мотор перестал хлопнуть и затарахтел равномерно. Ленин сел рядом с шофером, помахал рукой провожающим, и машина покатилась по гладкой, снежной дороге.

Но оказалось, что события этого удивительного дня еще не окончены. И первую весть о них опять принес товарищ Зинин.

— Ленин с шофером обратно идут! Пешком! Товарищ Зауринь быстро набросил шинель. Вслед за ним заторопились и другие.

Да, Ленин и шофер возвращались на завод. Пешне.

Всех охватила тревога. Что случилось?

Оказалось, вышел из строя мотор. Успели отъехать версты полторы, не больше. Авария серьезная, на месте не исправить. Вот и вернулись обратно.

— Экая досада, — говорил Владимир Ильич, поглядывая на часы. — А ведь меня ждут в Москве ровно в шесть. Но теперь уж и думать нечего об этом.

Все молчали, подавленные, расстроенные: не шуточное дело — Ленин опаздывает в Кремль! И какой можно найти выход?

— Ну, поломались бы хоть поближе к Москве! — продолжал Владимир Ильич. — Могли бы по телефону сообщить. А ведь отсюда никак не дашь о себе знать...

Ян Янович, куда-то отлучившийся на минуту, быстро подошел к нему:

— Товарищ Ленин, вы можете вернуться в Москву поездом. Здесь они ходят два раза в сутки — ранним утром и в пять вечера. До вечера еще час времени. На нем и уедете!

— Идея недурна, что и говорить! — Ленин усмехнулся. — Но, увы, она неисполнима! Пока мы доберемся до станции, поезд успеет побывать в Москве и вернуться обратно. Ведь тут верст восемнадцать, а то и все двадцать...

— Да, пожалуй! Все двадцать! — подтвердил Ян Янович.

— Вот видите! Нам и к семи не добраться до станции пешим ходом, а вы говорите о пятичасовом...

— Попробуем по-другому! — сказал Ян Янович.

Ленин поглядел на него не без удивления:

— Вы, товарищ, говорите так, будто у вас в запасе имеется какое-то чудо!

— Кто знает, может быть, и имеется! — улыбнулся вдруг Ян Янович и посмотрел на широкие ворота в заборе, окружавшем конюшни.

Точно повинуясь его неслышной команде, ворота раскрылись. Широкоплечий, чернобородый человек, похожий на цыгана, в тулупе с кушаком, вывел под уздцы коня в санной упряжке.

Конь был рослый, статный, с крутой, лебединой шеей, во лбу белая отметина в виде звезды, ноги — струнками. Он переступал ими, точно играя, но в каждом движении чувствовалась стремительная упругая сила. Под стать ему были и саночки — небольшие, легкие, на высоких и тонких полозьях, с медвежьей полостью на сиденье.

— Какой красавчик! — восхищенно сказал Владимир Ильич, не сводя взгляда с коня. — Изумительный красавчик! Точно из сказки!

— Вот этот красавчик и доставит вас на станцию! — сказал Ян Янович. — А повезет Кондрат Савельевич, очень опытный человек. Можете ему довериться!

Чернобородый Кондрат Савельевич двумя руками снял шапку.

— Что вы, что вы! — воскликнул Владимир Ильич. — Зачем это! Наденьте немедленно. Ведь сейчас не лето!

Кондрат Савельевич надел шапку, влез на облучок. Ленин посмотрел на часы, покачал головой.

— До поезда осталось сорок пять минут! И вы считаете, что можно успеть?

— Дело проверенное, — ответил Ян Янович. — Садитесь, Владимир Ильич, не теряйте времени.

Тут же быстро порешили, что шофер тоже поедет в Москву, вернется на грузовике и от-

буксирует машину в кремлевский гараж. Уселись в саночки, укрылись до пояса медвежьей шкурой. Кондрат Савельевич сделал рукою какой-то знак, санки мягко тронулись.

— Счастливого пути! — кричали им вслед.

Тонко позвякивали полозья, в лицо летела снежная пыль. А конь, точно дорвавшись до своего любимого занятия, все убыстрял бег.

Промчались мимо избушки лесника. Он коллот дрова у порога. Владимир Ильич только успел махнуть ему рукавицей, и уже далеко позади осталась избушка, быстрее побежали по сторонам дороги разлапистые белые ели, высоченные заледеневшие сосны. Кондрат Савельевич оборачивался иногда к своим седокам, кричал:

— Лицо закрывайте! Заморозитесь!.. Крепче держитесь — поворот!

Окончилась лесная дорога, стало светлее, просторнее. Вместо елей и сосен побежали мимо телеграфные столбы, редкие домики, осевшие в снежных полях. Засвистел в ушах ветер. Казалось иногда, что санки отделяются от дороги и летят по воздуху.

Вдалеке завиднелись дымки, возникло маленькое, точно из игрушечных кубиков, здание вокзала, поднялась кирпичная водокачка. Все ближе и крупнее делаются они, все звонче поют полозья.

И вот полосатый шлагбаум перегораживает дорогу, стальное сплетение рельс за ним, будочка с красным фонарем.

Приехали!

Владимир Ильич откинул меховую полость, достал часы:

— Подумать только, еще целых двенадцать минут до поезда... Если он не опоздает, то, пожалуй, и в самом деле поспею к шести... Вот это быстрота! В жизни такого не испытывал.

Кондрат Савельевич широко улыбался. Его окладистая черная борода заиндевела и казалась совсем седой. Придерживая коня, он стал медленно водить его по дорожке возле платформы.

— Наш орловский рысак. Чистейших кровей. В мире нету лучшей породы, — говорил он густым окающим басом. — Один такой уцелел со всей графской конюшни... И саночки графские пригодились. Он их за семью морями заказывал, в тридесятom государстве...

Шофер пошел на вокзал разузнать о поезде, а Ленин, шагая рядом с Кондратом Савельевичем, оживленно рассказывал:

— В молодости приходилось немало ездить на лошадях. Точнее сказать, немало меня возили. Ведь я еще помню ямщиков, тройки с бубенчиками, постоянные дворы. От нашего

Симбирска до железной дороги было сто верст... А когда возвращался из ссылки, то пришлось триста верст проехать по сибирскому тракту... Конечно, не с такой быстротой, — улыбнулся он и погладил коня по атласной шее, — смотрите, несколько не разгорячился... Чудесный, сказочный конь... А как его имя?

— Имя у него сурьезное: Шайтан!

— Шайтан? За что же его так? — Владимир Ильич даже приостановился на секунду.

— Все графские выдумки! — ответил Кондрат Савельевич, — от рождения зачислен Шайтаном в графских книгах... И предки его тоже: кто Пират, кто Змей... Барские штучки!

Так, разговаривая, ходили они по снежной дорожке. Кондрат Савельевич поглядывал сбоку на своего спутника. Ленин! Владимир

Ильич! И никто вокруг не знает об этом. Вот подкатили на самодельных лыжах мальчишки, любят на коня. Прошли мимо женщины, по глаза укутанные в платки, с мешками, с бидонами. Пробежал мимо железнодорожник в распахнутом кожаном. И никто из них не знает, что здесь, на станции, Ленин!

Вернулся шофер и сообщил, что поезд придет без опоздания — осталось три-четыре минуты. Вскоре послышался сиплый гудок, народ на платформе забеспокоился.

Точно вспомнив что-то, Владимир Ильич быстро снял рукавицы, достал из сумки жестяную коробочку и, вытряхнув на ладонь ее содержимое, поднес коню. Тот покосился лиловым глазом, потом осторожно стал брать мягкими губами кусочки мелко наколотого сахара.

— Нет, не могу назвать тебя Шайтаном, — сказал Владимир Ильич, глядя его свободной рукой. — Такой красавчик — и вдруг Шайтан...

Шофер обеспокоенно глядел на подошедший поезд:

— Владимир Ильич! Как бы мы не остались.

— Все! Иду! — ответил Ленин и крепко пожал руку Кондрату Савельевичу:

— Спасибо! Всем вам большое спасибо. Вы ручили... А я, кажется, и поблагодарить товарищей не успел...

В том же году, осенью, Яну Яновичу довелось побывать у Ленина в Кремле. Дело на заводе разрасталось, нужна была крепкая помощь и, памятуя слова Владимира Ильича, Зауринь решил к нему обратиться.

Все оказалось проще, чем думалось. Внизу, из кремлевской будки, позвонили в ленинский секретариат, сообщили, что прибыл товарищ Зауринь Ян Янович с конного завода.

Ян Янович с бьющимся сердцем стоял возле дежурного и слушал, как произносят в трубку его имя и фамилию. Прошло минут пятна-

дцать. Из секретариата ответили, что товарищ Зауринь может получить пропуск...

Много лет минуло с той поры. И много лет сейчас товарищу Зауриню. Но стариковская память цепко хранит каждую мелочь, которая связана с Лениным. И мы, затаив дыхание, слушаем сегодня его рассказ о тех далеких годах, о том, как зимним днем приезжал Ленин на конный завод, как потерпели аварию его автосани, как мчал его на станцию быстроногий конь.

Начав разговор с Яном Яновичем, Ленин сразу же спросил:

— А как поживает тот красавчик-конь? Позвольте, позвольте, минуточку... Как же его имя?

— Шайтан? — подсказал Ян Янович.

— Да, да, Шайтан! — засмеялся Владимир Ильич. — Помню, что какая-то нечистая сила, а какая именно — запоматывал!

— Теперь он уже не Шайтан, — сообщил Ян Янович. — Он у нас так и назван теперь — Красавчик. И в книгах записан заново и уже откликается на новое имя!

— Если сумеете — передайте ему привет! — улыбнулся Владимир Ильич.

Море

Н. Слепакова

Синий автобус,
синий билет,
синее море,
которого нет, —

которого нет
и которое есть,
которое там
и которое здесь!

Синее море
в школу везу!
Видите — яхта
в правом глазу!

Видите — в левом
жаркий песок!
Слышите — волны
бьются в висок!

За ухом где-то
тихо, молчком
краб удирает
в море бочком!

Здесь, на ладонях —
трепет медуз...
Синее море,
плещущий груз!

Как же я море
в себе умею?
Лучше я море
всем расплещу!

Ну-ка, послушайте
чаечий гам
и заскучайте
по тем берегам,

где заскучал я
на желтом песке
по белому мелу,
по черной доске!

Сегодня к нашему костру пришел писатель Юрий Яковлев со своей (не дикой) собакой Динго. Юрий Яковлев говорит:

Хорошо быть дельфином

В каждом мальчишке дремлет настоящий, преданный собачник. Он тоскует по четвероногому другу, с которым можно поиграть, повозиться, побегать по лесу, побарахтаться в речке. Этот друг не изменит в трудную минуту, никому не даст тебя в обиду. Когда все от тебя отвернутся, он будет рядом. Когда ни у кого не найдется для тебя теплого, ласкового слова, он уткнется носом в колени или лизнет руку. Он будет смотреть на тебя такими преданными глазами, что сразу станет легче жить на свете. Когда ты уйдешь, он будет ждать твоего возвращения, прислушиваться к твоим шагам. Он будет спать рядом с тобой, свернувшись калачиком. Он простит тебе вымоченные ботинки, порванные

штаны, схваченные двойки. Даже не обратит на них внимания.

Плохо, когда собачник спит в человеке слишком крепко. Он может не проснуться вовсе. Или проснется с большим опозданием. Тогда в собаку может полететь камень, брошенный мальчишкой.

Как это здорово — разбудить в человеке собачника! Мне однажды это удалось. Я написал рассказ «У человека должна быть собака!» И сразу у меня появилась целая армия сторонников и противников. Сторонники — ребята — требовали: хочу собаку! Противники — некоторые родители — заявляли: только через мой труп! Кто победил в этой битве за собаку? Трудно сказать. Но каждый раз, когда я встре-

чаюсь с ребятами, я не могу себе отказать в удовольствии спросить, у кого после моего рассказа появилась собака? И когда в зале поднимается несколько рук, я очень доволен: наша взяла! Я улыбаюсь, но тут же мне приходится морщить лоб, потому что кто-нибудь обязательно спросит:

— Как уговорить родителей взять собаку?

От меня ждут ответа. А я морщусь лоб и молчу. Я понимаю, что это очень трудно. Меня мой сын уговорил легко, и вся наша семья не раскаивается, что в доме появилась Донюшка. Более того, мы теперь не представляем себе, как это мы жили без Донюшки и как вообще можно жить без четвероногого друга. Во взрослом человеке труднее разбу-

доть собачника, но дело это не безнадежное. Честное слово!

Однако было бы неверно думать, что родители говорят пробудившемуся собачнику «нет» только потому, что им хватает забот-хлопот и без собаки. Я знаю многих взрослых людей, которые с радостью взяли бы собаку, но у них нет возможности. Некому гулять с собакой, некому ухаживать, тесно... Дорогие ребята, взрослые тоже иногда бывают правы. И ничего тут не поделаешь. Очень тяжело расставаться с собакой. Еще тяжелее собаке расставаться с другом — смертельно тяжело. Надо брать собаку только тогда, когда ты уверен, что никогда не расстанешься с ней. Только тогда.

Человеку, в котором пробудился собачник, живется нелегко. Потому что на свете немало людей, в которых собачник не проснулся ни в детстве, ни в зрелые годы, ни к старости. Такие люди смотрят на собак враждебно. Собаки мешают им. И они сочиняют множество мрачных легенд о наших четвероногих друзьях. В этих легендах собаки лают с утра до вечера, рвут на части всех встречных, оставляют горы грязи и являются страшными носителями разных микробов. Эти люди всюду вырастают на пути человека с собакой:

— В квартире — нельзя! В сквере — нельзя! В трамвае — нельзя!

А где же можно?

На этот вопрос они с удовольствием ответили бы:

— Нигде!

На этих людей не действуют даже такие письма, которые я получаю от своих друзей — читателей.

— А мне оставишь?

Фотоэтиюд О. Василевского

«Ночью в сильный мороз родились маленькие крольчата и упали из клетки в снег... А рядом была будка нашего Жучка... Жучок перетащил крольчат в свою будку, положил их на лапы и всю ночь дышал на них. Так они остались живы. Когда утром мы пришли кормить Жучка, то увидели два крохотных пушистых комочка».

Это письмо из зверосовхоза имени Кирова Липаковского района Ставропольского края. А в деревне Мякишово Новгородской области произошел более потрясающий случай. О нем рассказывает Миша Афанасьев:

«Был конец августа. Мы с товарищем пошли на болото за клюквой. Впереди, как всегда, бежали наши собаки. Болото все было в красных бусинках. Наши корзины были уже полны. Но нам хотелось собирать еще и еще. Мы так увлеклись, что не заметили, как стемнело.

Вдруг мы услышали собачий лай. Оглянулись — и оцепенели. Недалеко от нас стоял волк.

— Бежим! — крикнул мой товарищ.

Мы убежали и не видели, что произошло с собаками. Только вернулись они все в крови и ранах. Они очень мучились. Их даже хотели убить, но мы не дали. Достали медикаменты и стали лечить наших спасителей. Они очень быстро поправились».

Недавно у нас был принят хороший закон, запрещающий обижать дельфинов. Один мой друг — собачник тяжело вздохнул и сказал:

— Хорошо быть дельфином!

Это здорово сказано. Я-то знаю, как часто обижают собак и как трудно бороться с обидчиками. И когда мне бывает особенно горько, я вспоминаю дорогие мне фотографии Владимира Ильича. Вот на коленях у него сидит кошка. Вот он идет, а рядом с ним собака. Как часто на охоте, заблуждавшись живым существом, Владимир Ильич опускал ружье... Помните об этом, друзья.

Это уменьшительно-ласкательное имя телевидения, чаще всего его так и зовут.

Все вы, конечно, смотрите телевизор. Некоторые даже слишком часто. А знаете ли, как делается телевизионная передача? Сколько людей самых разных профессий должны подумать и поработать для того, что-

бы вечером вы смотрели телевизионные передачи?

Обо всем этом рассказывается в книге Валерия Попова «Ти-Ви», которая выйдет в издательстве «Детская литература». Здесь печатается несколько глав, в них оператор рассказывает посетителю телестудии о своей профессии.

Какой такой оператор?

— Что перед камерой происходит — то она и показывает.

— А зачем же тогда человек? Ведь за камерой всегда стоит человек.

— Это оператор.

— А зачем он? Ведь камера и без него работает?

— Он делает, чтобы она интереснее показывала. Что тол-

ку, если камера стоит, упершись в одну точку. Ей надо подвижной быть, успеть показать все самое интересное. У хорошего оператора — камера, как боевой конь, везде успевает. Видишь, эта блестящая ручка под камерой? Это

руль. Эту педаль внизу нажимаешь, рулем рулишь и едешь куда надо.

Так можно по всей студии разбегаться: один поет, надо показать его лицо, второй, тот, в стороне, подхватил — и его достанем. У нас правило — идти только за человеком, за артистом. Скажем, пошел Онегин, и поет, и мы за ним поехали потихоньку. Просто так камерой шарить — самый большой грех. Был у нас такой работник, так, бывало, соскучится и поведет камеру по стульям, по оконным переплетам, по люстрам. А зритель дома сидит и соображает — зачем ему люстры показывают? Теперь каждый оператор знает — никаких лишних движений, непонятных зрителю!

Если, скажем, дверь показал или окно, значит, через них скоро человек появится. И еще, всегда надо быть начеку. Например, сидит человек за столом и говорит. Оператор его показывает — аккуратно, ровно. А тот говорил, говорил и вдруг неожиданно встал. И в кадре уже не человек, а один только его живот. Кто виноват? Оператор! К этому моменту он подготовиться должен, отъехать с камерой подальше.

— Как же угадать, когда выступающий встанет?

— Опыт. Чутье. Интуиция. Догадка. У кого такого чутья нет, что сейчас человек сделает, тот и оператором работать не сможет.

ОТРЕЗАННОЕ УХО

— Еще надо помнить о композиции. Чтобы лицо выступающего всегда было в центре рамки, а не с краю, не в углу. Тем более, нельзя пол-лица показывать. Или голову без шеи. Или шею без головы. Случалось, незадачливый оператор

оставит камеру и уйдет. А исполнитель тем временем сдвинется за кадр и на экране — пол-лица. Один известный певец однажды спускался из дворца по лестнице, и вдруг зрители увидели во весь экран чье-то огромное ухо! Чье — неизвестно. Отрезало камерой. Так что — никакой рассеянности! Собранность. Внимание.

Еще надо стараться, чтобы

кадр симметричный был. В левом углу человек — и в правом человек. В левом два — и в правом два. А то если все в один угол набьются, несимметрия получается, неравновесие, этот угол перетягивает, а с ним кадр завалится. У оператора глазомер должен быть, как у снайпера.

— На сколько же метров достает камера?

— На сколько надо. Спереди у нее три объектива, линзы. Вот этой ручкой они меняются. Один объ-

ектив вблизи видит, другой — на среднем расстоянии, третий — на дальнем. Один объектив — как бы лупа, второй — бинокль, третий — под-

зорная труба. Их тоже надо успевать менять, ведь действие то приближается, то отдалается.

ДУМАТЬ НАДО, ДУМАТЬ!

Выступала у нас группа писателей, и среди них один самый молодой, рыжеватый. Усадили их за стол и для красоты поставили перед ни-

ми вазочку с печеньем. И этот молодой, видимо, от волнения всю передачу ел печенье. Даже когда сам говорил. А что подумали зрители — видя, как в кадре то и дело появляется рука, тянется к вазе и наби-

рает горсть за горстью. Такого человека оператор вместе с режиссером должен был заранее раскусить и посадить от печенья подальше. В общем, думать надо, все время думать!

ТАНЦЫ

— Еще оператор должен уметь танцевать.

— Танцевать? Зачем?

— Пойдем, увидишь.

Мы прошли по коридору, открыли тяжелую дверь и вошли в третью студию. Там на гладкой площадке под громкую музыку высокий плечистый парень и тоненькая красивая девушка

танцевали танец — быстрый, резкий, с прыжками и рывками.

— Нравится? А теперь взгляни на оператора — вон у камеры пригнулся. На ноги его посмотри.

— Так ведь он тоже танцует!

— Вот так. Хороший оператор когда танец показывает, всегда сам танцует вместе с камерой. Оператор, как дирижер, должен музыку чувствовать, мелодию ее и ритм. И вместе с камерой двигаться ритмично.

Тем временем на площадку вышли девушки в белых платьях — танцевальный ансамбль «Березка».

Заиграли грустную мелодию, и девушки плавно, словно не касаясь пола, поплыли по сцене влево. И, повертывая за ними камеру, так же медленно, плавно и грустно двигался оператор, словно был участником их ансамбля.

— Хороший оператор. Мало кто так умеет работать!

Правда, у каждого оператора свои достоинства. Иногда,

например, надо прорваться в самое пекло и показать самое такое, где жизнь бурлит. Есть и такие операторы. Вот и думаешь каждый раз, какого оператора поставить. На балет — одного, на бокс — другого. Надо уметь так распределить людей, чтобы использовать их сильные стороны, а не слабые.

Есть, правда, и такие, что ничего не могут. В прошлом году снимали «Березку» — девушки плывут в одну сторону, и не доплыли до конца, а оператор уже камеру переводит. И так всю «Березку» на кусочки издергал. Руководитель ансамбля Надежда Надеждина смотрела и чуть не плакала.

— Значит, оператору нужны чутье, глазомер, внимание, ритм.

НЕРВНЫЙ ШТАНГИСТ

— Мало этого, мало! — главное, человеком он должен быть, в искусстве понимать, в жизни, в людях. Посмотреть чтобы на человека и

представить, как он перед камерой себя поведет. Однажды оператор, помню, взял одного знаменитого штангиста за плечо перед выступлением и говорит: «Вам по телевизору вы-

ступать нельзя. Вы слишком волнуетесь».

И действительно, только они отошли в сторонку, как тот от волнения в обморок свалился, два алюминиевых кресла смял.

СВЕРХУ ВНИЗ

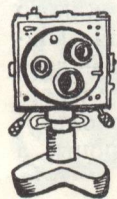
— А это что за машина? Тележка?

Она стояла в углу, покрытая прозрачным целлофановым чехлом.

— Пошли в четвертую студию, там она в работе.

В четвертой студии стояла такая же железная телега, сзади на ней сидел рулевой, а вверху ходила стрела. На самом вершине стрелы была площадочка, и на ней примостился оператор с камерой.

— Кран со стрелой. Если надо с верхней точки показать. Или отдельного музыканта в оркестре. Так его другие закрывают, а стрела протянется и — пожалуйста, показывай. В общем, техника у нас хорошая, на все случаи. Правда, было однажды, когда кран чуть оркестр не задавил. Сломалось в нем что-то, и поехал прямо на музыкантов. Все, естественно, разбежались. Один только дирижер остался на своем посту. Стало быть, в технике разбираться надо, чтобы она не подвела. Ну, все запомнил, что я тебе говорил?

ЧТОБЫ ЛУЧШЕ ВИДЕЛА

Есть телевизионная трубка — суперортикон называется, самая чувствительная. Из неосвещенных помещений может передавать. Хоть из мешка.

Одно плохо — память у суперортикона слишком долгая. Постоял перед ним человек и ушел. А на экране некоторое время контур остается. Вроде, как дух, привидение. Запечатыванием называется это. Запечатывается изображение. То есть тебя уже нет, а на экране ты еще есть, хоть и еле-еле, бледно. А когда много народа, и все двигаются, и от каждого привидение остается? Нехорошо выходит, странно как-то. Приходится супер-

ортикон покачивать. Чтобы, скажем, пиджак твой все время на одно место не попадал, а слегка двигался, размылся, а то уйдет он вместе с тобой, а привидение твоего пиджака будет еще секунд пять в кадре висеть. А там уже, может, балерина выступает.

Понимающие люди говорят: — Ну, значит, и не надо этот супер — суперортикон — никогда брать, — и все!

Как же не надо, когда другие видят хуже. Вот тут и думай каждый раз, — что важнее? В общем, камера — проблема номер один.

Ну, и что же делать?

— А не знаем. Может, ты эту проблему решишь в свое время.

СТОЛ ЗАГАДОК-67

КАРАУЛ!!!

Разбудите КОСтю!

Он нечаянно укололся о волшебное веретено злой волшебницы Эфросиньи и спит уже третий месяц крепчайшим литературным сном!

Между прочим, ему снятся восемь снов сразу, из восьми стихотворений, поэм, сказок и так далее.

Хорошо бы разобраться, из какого произведения какой сон!

Тогда бы наверняка КОСтя проснулся, перевернулся и отправился по своим делам.

Вот, значит, какое в этот раз задание: определить, чьи сны видит ТЕРкин. И немедленно сообщить об этом нам.

Рисунок В. Юсипенко

* * *

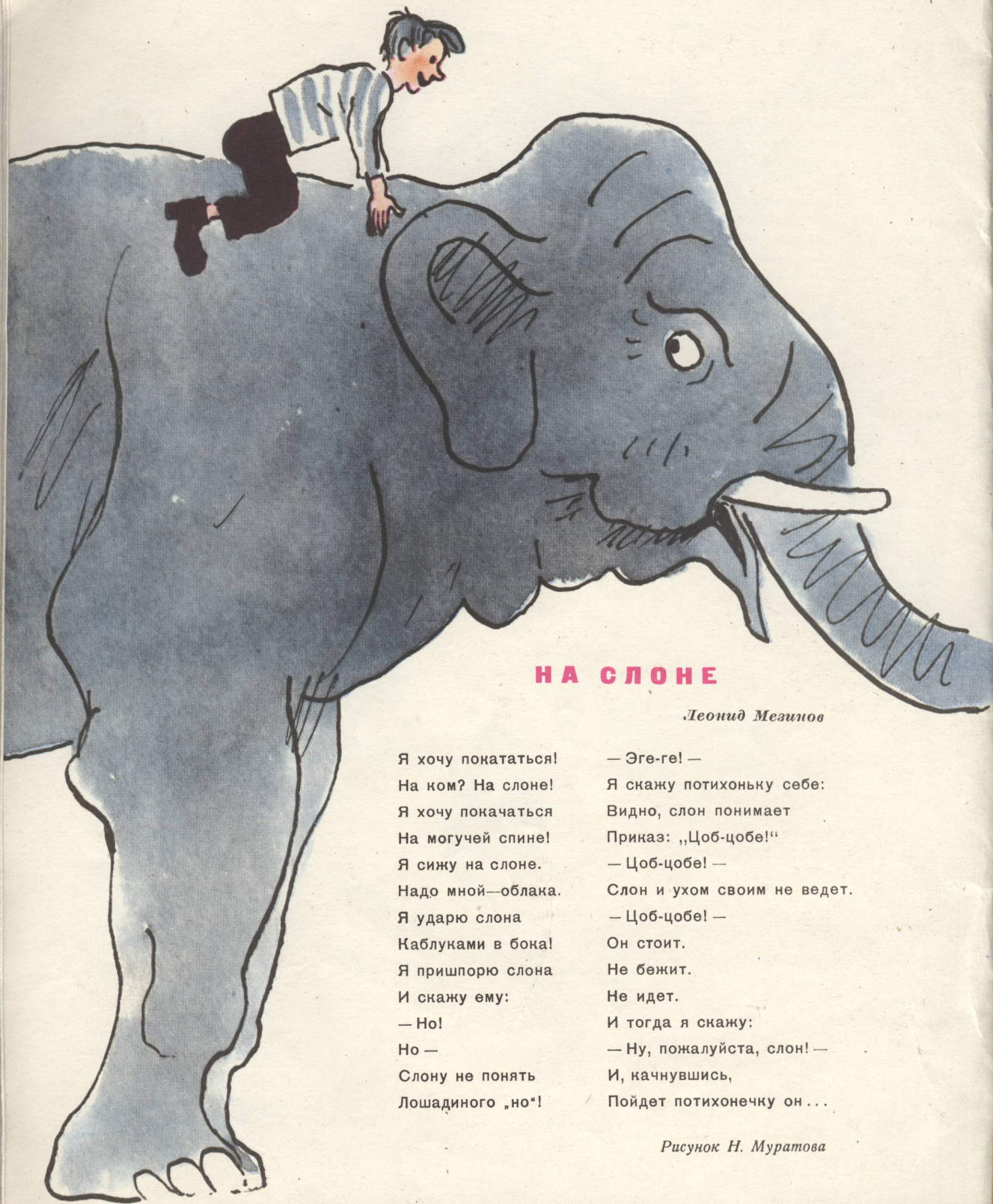
ЭС-А-ЭС! ЭС-А-ЭС! (Что по международному загадочному радиокоду означает «Спасибо, ах, спасибо!»)

Благодарю многих и многих читателей «Костра» за решение задач заключительного выпуска «Стола загадок-66» («Костер» № 12, 1966 год).

Поручаю редакции журнала определить имена абсолютных победителей «Стола загадок-66» и сообщить их в «Костре» № 5.

С космическим приветом
капитан корабля
«СОКОЛ-51»

НА СЛОНЕ

Леонид Мезинов

Я хочу покататься!
На ком? На слоне!
Я хочу покачаться
На могучей спине!
Я сижу на слоне.
Надо мной—облака.
Я ударю слона
Каблуками в бока!
Я пришпорю слона
И скажу ему:
— Но!
Но —
Слону не понять
Лошадиного „но“!

— Эге-ге! —
Я скажу потихоньку себе:
Видно, слон понимает
Приказ: „Цоб-цобе!“
— Цоб-цобе! —
Слон и ухом своим не ведет.
— Цоб-цобе! —
Он стоит.
Не бежит.
Не идет.
И тогда я скажу:
— Ну, пожалуйста, слон! —
И, качнувшись,
Пойдет потихонечку он...

Рисунок Н. Муратова

СЧИТАЛКА

Белый пудель —
 Людин пудель —
 Нес на блюде
 Сладкий пудинг.
 Белый пудель —
 Людин пес —
 Целый пудинг
 Люде нес!
 Белый пудель —
 Людин пудель —
 Съел украдкой
 Сладкий
 Пудинг.
 Белый пудель —
 Верный пес —
 Что ж ты пудинг
 Не донес?

Юрий Коваль

ОХОТНИК

Под старой осиной,
 Корявой осиной,
 Охотник жевал
 Бутерброд с лососиной.
 И вдруг из сосенок,
 Зеленых сосенок,
 На просеку вышел
 Веселый лосенок.
 И солнце светило,
 Синица свистела,
 Ружье на сучке
 Преспокойно висело.
 Охотник жевал бутерброд,
 Улыбался,
 Смотрел на лосенка
 И всем любовался.
 Наверно, приятно
 Сидеть под осиной,
 Сидеть и жевать
 Бутерброд с лососиной,

Рисунки Е. Захарова

300 000 МНЕНИЙ

Эх ты, председатель...

Меня выбрали председателем совета отряда и мне это пионерское поручение нравится. Раньше я, например, не следила за собой: как учусь, правильно ли с товарищами общаюсь и многое другое. А теперь как-то нехорошо получить два или три. Скажут: эх, ты, председатель...

*Нина Чумакова
Кировская область,
Потеринский лесной участок*

Почему меня?

В начале этого года мне дали поручение: на сборе, посвященном 25-летию разгрома немцев под Москвой, рассказать о подвигах советских летчиков — Талалихина, Гастелло, Здоровцева. На сбор были приглашены герои битвы, живущие в нашем городе. А потом времени не хватило и мне не довелось рассказывать. А я очень готовился. Правда, потом я все-таки рассказал, не всем седьмым, а только нашему.

Мне еще очень понравились соревнования по шахматам. Представителей нашего класса было двое: я и еще один мальчик. Мне очень нравятся шахматы, и я с удовольствием отстаивал честь своего класса.

Другое поручение было для меня совсем неожиданно. Без всякой подготовки я должен был ехать на биологическую олимпиаду.

— Но почему меня? Ведь я не увлекаюсь биологией! — сказал я.

— Не бубни! Пойдешь и все, — ответили мне.

Пришлось ехать. И как вы, наверное, догадались, я занял далеко не первое место.

*Павлик Бондаровский
Московская область, Загорск*

— А я в этой школе директор, — сказал Тим Добрый, распахивая двери перед читателями. — Наша школа особенная. В обычной так: взрослые спрашивают — ребята отвечают. У нас наоборот: ребята спрашивают — взрослые отвечают. Тема первого урока...

Сорок непохожих

Толя Савчук из Ленинградской области пишет: «Сначала меня выбрали командиром звездочки, мне очень понравилось у октябрят. Я вообще люблю малышей. А потом взяли вдруг и назначили звеньевым. Председатель совета отряда сказал, что это важнее. Я не согласился и, можно сказать, не работал. А звеньевым числился. Целый год. Разве это правильно? Я потом вернулся к октябрятам, но уже не так интересно все стало...»

Да, с Толей произошла грустная история. Мало того, что его оторвали от любимого дела, его еще и **назначили** звеньевым, не выбрали, а именно назначили! Это уж совсем никуда не годится.

Был я недавно в школе имени одного замечательного человека. Не буду называть его фамилии — то, что я видел в школе, оскорбляет память замечательного человека.

А видел я вот что. Есть в школе класс-музей замечательного человека — фотографии, бюст, фотокопии документов, макеты, выдающиеся высказывания... А еще, перевязанные ленточками, лежат там пачки докладов о жизни и подвиге замечательного человека. Доклады эти похожи друг на друга как две капли воды. Каждый пионер за время учебы в своей школе пишет доклад о замечательном человеке.

А жизнь замечательного человека уже описана в книжках. Ребята берут эти книжки и списывают. Берут доклады своих предшественников и списывают. Списывают, списывают...

Я уже не говорю о том, что память замечательного человека оскорблена этим фактом. Ни родные, ни близкие его не знают, какое кощунство творится в школе имени их родственника. А знали бы — очень огорчились.

Я уже не говорю о том, что пионер привыкнет в такой школе делать дело не потому, что жизнь требует, а потому, что кому-то так надо. Привыкнет, значит, фальшивить и приспособливаться.

Когда подумаешь, что в классе сорок пионеров и каждый пишет этот самый доклад, и каждый понимает, что дело пустое, что не так надо беречь память о замечательном человеке; понимает, а пишет — когда все это подумаешь, становится не по себе...

Вспомните, ребята, с чего у вас начиналась пионерская жизнь. Вас принимали на торжественном сборе, все вы были в одинаковой праздничной форме, вам повязали одинаковые красные галстуки, вы произнесли одно на всех торжественное обещание. И это правильно. Этим самым вы как бы говорили: мы все за советскую власть!

Но разве это означает, что всех пионеров надо стричь под одну гребенку?

Вспомните-ка свой отряд, вспомните, у кого какой характер, привычки, способности, интересы... Все разное! Сорок непохожих в отряде!

Надо уважать эту непохожесть, беречь ее. Если человек любит радиотехнику, пусть он ведет кружок по радиотехнике, зачем ему выпускать стенгазету или работать с октябристами! А если человек любит малышей — пускай себе возится с ними на здоровье!

Вот что такое СОРОК НЕПОХОЖИХ.

Вопросы не по программе

Этих вопросов ребята особенно не любят. А взрослые?..

Как бы то ни было, такие вопросы существуют и требуют ответа. Кроме того, они, как правило, интересны.

«Дорогая редакция! Я очень прошу помочь мне. У меня есть подруга Люба Д. Она учится в шестом классе. Девочка она хорошая. Но если я начинаю разговаривать с кем-нибудь, то она сердится и не хочет разговаривать со мной. Я очень прошу помочь мне, как поступить с Любой и девочками».

Оля М.

Дорогая Оля! То, с чем ты столкнулась в своей дружбе с Любой, называется ревностью. Ревность — это такое чувство, когда человек хочет, чтобы друг принадлежал ему безраздельно. Чувство это естественное, но иногда оно принимает такие формы, что мешает людям поддерживать хорошие отношения.

Люба вырастет и поймет, что не следует ревновать друга к таким пустякам, как разговоры с другими людьми; что это мелко. А пока...

Детская ревность — это все равно ревность со своими строгими и трудными правилами: «дружишь со мной — ни на кого не смотри», «или я — или они»...

Что тебе делать? Первое: над ревностью нельзя смеяться и на ревность нельзя обижаться. Потому что ревность — спутница сильной привязанности. И второе: с ревнивыми людьми надо быть очень терпеливым, не обижать их зря. Поговори с Любой по душам и многие трудности отпадут.

Всего тебе хорошего!

Тим Добрый

300 000 МНЕНИЙ

Это мне очень надоело

Два года я был звеньевым. Проверял, как наш ряд работает. Если кто не справится с задачей — я помогу. А мой сосед по парте был большим лентяем. Часто он не выполнял домашних заданий. Я очень сердился и предлагал ему остаться после уроков, но он называл меня «учителем» и собирался домой. Я отпускал его только ради нашей дружбы. И это мне очень надоело. Я сказал об этом учителю, и нас пересадили.

Г. А. Качалов
г. Орск

Сколько дел мы начинали

Меня избрали командиром отряда. И до сегодняшнего дня я командир. Но что я делаю? Ничего! Вернее, делала, но вижу, что ничего не выходит. Организовали мы тимуровскую команду. Первое время было хорошо, ходили в ясли, в детский сад, помогали бабушкам, инвалидам. Потом стало затухать это дело. Потихоньку, потихоньку — и нет команды... Вызвали, собрали всех ребят, спрашиваем: почему? А они говорят: «Надоело».

Организовали кукольный театр — то же самое. Стали собирать материалы о Кирове — опять та же история. Уже даже не помню, сколько дел мы начинали, а кончить не удалось ни одного!

Мне кажется, виновата я. Не смогла втянуть ребят в пионерскую жизнь. Но я придумывала много дел, а осуществлять их надо было всем классом, а никто не хочет, а я одна не могу!

Я хочу, чтобы мне ответили ребята. Посоветовали, как быть. Что делать? Как развеселить отряд?

Гая Б.
Целиноград

1 апреля. Бывший царь Никслай живет в Царском Селе, в Александровском дворце. Ходили слухи, что его потихоньку отправят к двоюродному брату, английскому королю. Тогда революционный офицер Сергей Мстиславский съездил в Царское и арестовал царя от имени Советов.

5 апреля. Сейчас из эмиграции и с каторги возвращается много революционеров. На вокзалах их встречают чуть ли не каждый день. Особенно торжественно приветствовали анархиста князя Кропоткина и вождя меньшевиков Плеханова («отца русской демократии», как его называют в газетах).

В тот же день, приписка. Приехал Ленин! Встретить его собралась огромная толпа, рабочие, матросы и солдаты. В почетном карауле стояли бронемашинны. Ленин с броневика говорил речь!

А сегодня мы с дядей Колей были в Таврическом. И опять слушали Ленина. Когда он кончил говорить, одни сразу засвистели, а другие яростно зааплодировали.

Я спросил дядю Колю, в чем там дело, из-за чего шумят.

Дядя Коля. Меньшевики считают, что революции уже хватит. А Ленин говорит, что настоящая революция еще впереди.

Я. Дядя Коля, а почему германский кайзер Вильгельм пропустил Ленина в Россию? Вон в газетах пишут, что Ленин — немецкий шпион...

Дядя Коля. Перестань модоть язы-

Приключения Васи Булкина в революционной Петрограде

объезда. Несмотря на то, что въ распоряженіи устроителей встрѣчи было всего 12 часовъ, вѣсть о пріѣздѣ Ленина и др. товарищей быстро разнеслась по Петрограду и всколыхнула множество организацій. Войсковыя части, получившія объ этомъ извѣщеніе, сейчасъ же дали наряды на откомандированіе ротъ для почетнаго караула на Финляндскій вокзалъ. По телефону сообщили въ Кронштадтъ матросамъ о пріѣздѣ Н. Ленина и они тотчасъ же увѣдомили, что несмотря на ледоходъ они пробьются на ледоколѣ въ Петроградъ

Это сообщение о приезде В. И. Ленина было напечатано в газете «Известия Советов рабочих и солдатских депутатов»

ком. Уж если не терпится ловить шпионов, ищи своего генерала.

Я. Какого генерала?

Дядя Коля. Позабыл? Из автомобиля «Рено»!

Я и правда позабыл. Дядя Коля прав: надо искать.

15 апреля. Нашел!!

Он был на параде рядом с генералом Корниловым! Его фамилия — Крымов! Генерал-лейтенант Кры-мов!

25 апреля. А война все идет. Во Франции генерал Нивелль провалил наступление. Двести пятьдесят тысяч убитых, из них пять тысяч русских, посланных во Францию. Нет, правильно дядя Коля говорит: за что воюем?!

27 апреля. Временное правительство мне все меньше нравится! Оно объявило Заем Свободы. Почти такой же, как раньше царские займы.

Продолжение следует

Послѣ пожара «охранки», народъ подбираетъ часть выброшенныхъ на улицу документовъ.

В дневнике Васи Булкина появлялись новые вырезки...

«Разгром гостиницы «Астория» (там засели защитники царского строя) — так назвал свой рисунок с натуры художник И. Владимиров.

Добрался революционный народ и до полицейской «охранки». Ее архив на Екатерининском канале (ныне канал Грибоедова) был разгромлен; все следственные дела выброшены на мостовую. Где-то в этой гряде документов нашли розыскную карточку на «государственного преступника Владимира Ульянова». К карточке, как полагалось, были приклеены две фотографии — фас и профиль; по этим снимкам сыщики до революции пытались найти и опознать Владимира Ильича...

**УЧАСТВУЙТЕ
В «ЭСТАФЕТЕ
БЫСТРОНОГИХ»!
СОРЕВНУЙТЕСЬ
ЗА ПРИЗ
«КОСТРА»!**

Где бегать?

На небольшой площадке длиной 60-70 метров и шириной 4-5 метров.

Лужайка с плотным дерном? Утрамбованная земляная площадка?

Годятся!

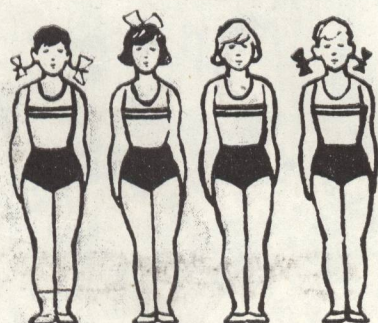
Прямой участок проселочной дороги?

Еще лучше!

Эстафета **ВСТРЕЧНАЯ**. Каждый этап — 50 метров, а вся дистанция — 400 (восемь этапов).

Первое задание

Отмерьте рулеткой 50 м и проведите на этом расстоянии друг от друга четкие поперечные линии — старт и финиш. С промежутками 125 см прочертите несколько продольных линий — границы дорожек. В пяти метрах за линиями старта — финиша должны быть дополнительные поперечные линии. Они ограничивают зону передачи эстафетной палочки.

1 3 5 7
этап этап этап этап

2
этап

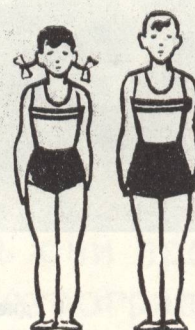
4
этап

6
этап

8
этап

запасные

Кто участвует?

Команд столько — сколько дорожек.

Не хватит дорожек — устройте два забега. Или три!

А что за команды?

В **ШКОЛЕ** между собой соревнуются классы.

В **ДЕРЕВНЕ, ПОСЕЛКЕ** — улицы или кварталы.

В **ГОРОДЕ** — дворы.

У каждой команды свое постоянное название, своя эмблема и своя единая форма.

Афиша

Ее надо вывесить заранее! Сообщите, например, что

**30 февраля
ТРИ ДЕВЯТЫХ КЛАССА**

тридевятой школы

проводят

ЭСТАФЕТУ

на спортплощадке

за Кудыкиной горой

Старт — 15 часов

Участвуют команды:

„УЛИТКА“

„ЧЕРЕПАХА“

„СОРОКОНОЖКА“

Судьи:

Лебедев, Раков, Щужин

Но не забудьте внести в это объявление поправки!

Палочка

Деревянная, пластмассовая, алюминиевая — какая угодно, но цилиндрическая и гладкая. Концы — обязательно тупые. Если палочка полая — заделайте отверстия!

У каждой команды — своя палочка.

Длина — 25—30 см, толщина — 3 см, вес 40—50 г, цвет — яркий.

Советуем:

во время бега держись **ЛЕВОЙ** стороны дорожки. Неси палочку в **ПРАВОЙ** руке и пере-

давай тоже в ПРАВУЮ руку. Передавай эстафету ТОЛЬКО в пятиметровой зоне. На первом этапе принимай низкий старт, на остальных — высокий.

Нельзя:

бросать или перекатывать по земле палочку; переходить на соседнюю дорожку.

...Палочка упала. Поднимает только тот, кто уронил! И продолжает бег лишь с того места, где произошла потеря.

Внимание!

Будь осторожен при передаче! Не наткнись на палочку, не столкнись с товарищем по команде! Помни правило правой руки!

Предупреждаем нетерпеливых:

Если на первом этапе участница сделает ФАЛЬСТАРТ, то есть побежит раньше команды «Марш!», она получает предупреждение, а после второго фальстарта — отодвигается на три метра назад от стартовой линии.

Штраф

Если во время бега легкоатлет нарушит правила (неумышленно помешает сопернику, передаст палочку за пределами зоны), то его команде начисляются две секунды штрафного времени. Если команда трижды нарушит правила, она выходит из игры.

Что видят зрители?

Взмах судейского флажка. Старт приняли девочки — от каждой команды по одной. Они мчатся до конца своего этапа. Там навстречу им выбегают мальчики. На ходу (но в пятиметровой зоне!) передана палочка. Теперь уже одни впереди, другие догоняют (но каждый бежит по своей дорожке!). Снова передача — палочка у девочек, участниц третьего этапа...

Чья взяла?

Кто первым пришел на финиш ПОСЛЕДНЕГО этапа, тот и выиграл. А результат команды-победительницы определяется по секундомеру — с точностью до одной десятой секунды.

Капитан команды присылает отчет о каждом выступлении в школу «Спринт». (Бланки отчетов можно получить из редакции «Костра»).

А судьи кто?

— Я—ГЛАВНЫЙ СУДЬЯ:

даю старт, засекаю время, определяю победителей.

— МЫ—СУДЬИ НА ЭТАПАХ:

следим, чтобы палочку передавали правильно.

— Я—СУДЬЯ-ИНФОРМАТОР:

составляю отчет, записываю результаты.

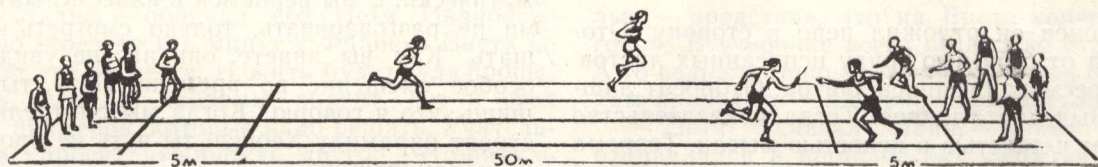
До встречи!

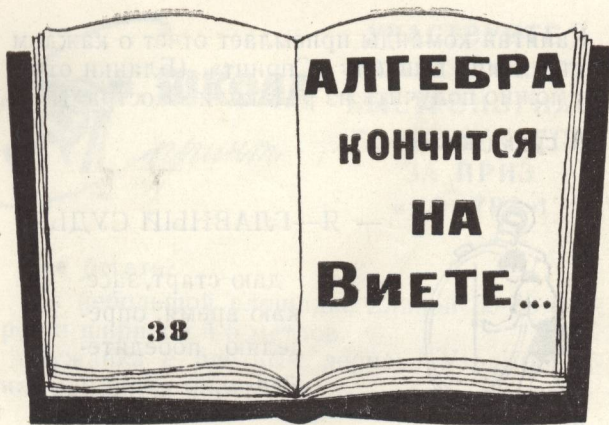
Сначала соревнования быстроногих пройдут по всей стране.

Потом сильнейшие команды померяются силами в ФИНАЛЬНЫХ СОСТЯЗАНИЯХ во время Всесоюзного слета юных бегунов.

Слет проводится в сентябре в пионерском лагере «Орленок» на берегу Черного моря.

Итак, все дорожки ведут в «Орленок»!

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Владимир Малов

Рисунки М. Беломлинецкого

За окном шел дождь. Иногда сквозь плотно прикрытую раму в комнату налетали порывы ветра, и тогда листы бумаги на столе вспархивали как живые.

Мысли висели на кончике пера, перо не успевало за мыслями. Холода Франсуа Виет не замечал. Не замечал он и того, что иногда за его спиной кто-то осторожно приоткрывает дверь и заглядывает к нему в комнату, он забыл, что внизу, в столовой, давно уже готов ужин.

Листы бумаги покрывались записями, вдоль и поперек. Он отбрасывал их в сторону, на край стола.

Перо попало скверное. Оно царапало бумагу, иногда брызгало чернильными каплями, и в другое время Франсуа давно бы уже бросил такое перо и очинил новое. Но он знает — стоит отвлечься хотя бы на минуту, и нужные мысли куда-то ускользнут, а на смену им придут другие — пустые и необязательные.

Он торопился. Все чаще и чаще сердце напоминает о своем существовании. И эти ужасные головные боли, которые, кажется, теперь не прекратятся совсем... Он должен торопиться. Вот сейчас непременно надо закончить доказательство новой теоремы. Он сидит над ней с самого утра. Работает до полного изнеможения.

Наконец он отложил перо в сторону. Отодвинул от себя всю грудку исписанных листов. Он пересмотрит записи завтра. Отбросит лишнее. Выделит главное. Тогда доказательство засияет четкостью и ясностью мысли. Теорема Франсуа Виета, французского математика! Теорема о свойствах корней полного квадратного уравнения!

Он посмотрел в окно и удивился тому, что за окном идет дождь. Когда он сел за стол, ярко светило солнце. Или нет — солнце светило вчера. Или позавчера? А может, дождь идет уже целую неделю?..

— Опять двойка, — грустно сказал Петя Иванов. — И опять за эту несчастную теорему Виета!

— Не унывай, — отозвался Ваня Петров. — Подумаешь — двойка.

— Подумаешь! Тебе хорошо: получил тройку и теперь можешь быть спокоен целых две недели...

— Иванов и Петров, — строго сказала учительница, — я понимаю, конечно, что получить двойку по математике очень неприятно, но не забывайте, что сейчас идет урок истории.

Она внимательно оглядела весь класс.

— Итак, на прошлом уроке мы с вами, совершили экскурсию в XV век и были свидетелями того, как безвестный мореплаватель Христофор Колумб явился к испанской королеве Изабелле со своим фантастическим для тех времен проектом. Колумб утверждал: если Земля круглая, значит, берегов богатой Индии можно достичь плывя не на восток, как это делалось раньше, а на запад...

Сейчас мы снова отправимся в прошлое. Еще раз предупреждаю: держаться всем вместе, не расходиться, иначе можете потерять друг друга, случайно выйдя из зоны действия Проектора Прошлого и никогда больше не вернуться в наш XXI век. Иванов, ты слышишь, что я говорю? Да и тебя, Петров, тоже не мешает предупредить...

Учительница повернулась к огромному пульту управления за своей спиной. На пульте зажглись разноцветные огоньки.

— Итак, на трех каравеллах Колумб вышел в океан и взял курс на запад. Колумб не знал, что между Европой и Азией лежит огромный американский материк.

На счетчике замелькали цифры: 1494 год, 1493, 1492...

— Сейчас мы побываем на «Санта-Марии» — адмиральской каравелле Колумба. Как и всегда, в Прошлом мы будем только десять минут. После этого Проектор сработает автоматически, и мы вернемся в класс. С матросами не разговаривать, только смотреть и слушать. Как вы знаете, они нас не увидят, — особое смещение во времени. Петя, ты слышишь, что я говорю? Когда мы смотрели, как строят пирамиду Хеопса, ты чуть не бросился на надсмотрщика...

Послышалось ровное гудение. На секунду стало темно. Потом стены кабинета истории

растворились. Высоко-высоко в небе вспыхнуло ослепительное Солнце. В тишину ворвался ленивый шум волн, слышались громкие голоса, отрывистые слова команды.

— Посмотрите на переднюю каравеллу «Пинту», — сказала учительница. — На ней плывет Родриго де Триана, тот самый матрос, имя которого войдет в историю, потому что он первый увидит землю. Иванов, что ты хочешь спросить у Колумба?!

В этот самый момент в голову Пете Иванову пришла такая великолепная мысль, что лицо его просияло.

Мальчики вернулись в кабинет истории, когда там уже никого не было.

— О чем я думал? — сказал Петя Иванов. — И как это я раньше не догадался?! Ведь это так просто, как дважды два. Сначала найдем век. XVII. А потом тот год, когда Виет сформулировал свою теорему.

Он нажал на пульте Проектора Прошлого несколько кнопок.

— Потом место. Хорошо еще, что я знаю, как обращаться с Проектором.

— А может... — неуверенно сказал Ваня Петров, — не надо?.. Может, ты просто выучишь теорему? Ведь не так уж трудно! Сумма корней равна... тому-то, произведение их равно...

— Ладно, — оборвал его Петя Иванов. — Ровно через десять минут у Франсуа Виета не станет его теоремы. И жить будет куда проще! Ведь если нет теоремы, значит, нет и всех этих примеров, которые надо решать. Учительница спросит что-нибудь другое. Что-нибудь такое, что я знаю... А еще лучше, — Петя даже замолчал на секунду, пораженный новой мыс-

лю, — представь, что на Виете кончится алгебра! В учебнике всего несколько страничек. А то ведь страшно подумать, что еще придется нам проходить — логарифмы, интегралы...

— Петя! — сказал Ваня, — никто еще не отправлялся в прошлое без учительницы. Ты знаешь, что за это может быть?!

— Если боишься, — небрежно обронил Петя

Иванов, — выйди из зоны действия Проектора. А я через десять минут принесу тебе теорему Виета. И никто ничего не узнает.

— Петя, — дрожащим голосом заговорил Ваня Петров. — Я не могу. Давай выключим! Слышишь, Петя!..

— Выйди из зоны действия!

Захлопнув за собой дверь кабинета истории, Ваня Петров прислонился к ней, слушая биение своего сердца. Знакомый гул нарастал и креп. Он посмотрел на часы: медленно-медленно тянулись минуты.

Кажется, самое главное он уже нашел. Мысли были ясными и четкими — ни одной лишней. Доказательство переписывалось на белом, и строчки получались под стать мыслям — красивые, ровные. Пожалуй, Франсуа Виет мог гордиться не только своими блестящими математическими способностями — каллиграфией тоже.

За окном по-прежнему лил дождь, и снова Виет уже не замечал ничего на свете. Листы ложились на правую часть стола, скрипело гусиное перо.

Итак, сумма корней полного квадратного уравнения равна второму коэффициенту с обратным знаком... Произведение корней равно свободному члену уравнения... Доказательство получалось стройным, логичным — одно вытекало из другого и влекло за собой третье.

На столе быстро росла груда исписанных бумажных листов...

— Все было очень просто, — сказал Петя Иванов. — Мне повезло. Я заглянул к нему в тот момент, когда он кончил доказательство, и стащил у него со стола всю эту кучу пергамента.

— Все это зря, — сказал Ваня Петров. — Пока тебя не было, я решил вот что. Виет подумает, что сам куда-нибудь задевал свои записи. Сначала, конечно, огорчится, поволнует, поругается немножечко по-французски. А потом успокоится, снова сядет за стол и все доказательство восстановит заново.

— Так, значит, все зря? — спросил Петя Иванов, бледнея.

Ваня Петров пожал плечами.

— Давай посмотрим, — сказал он, доставая из школьной сумки учебник алгебры.

Он раскрыл его на той странице, которая была украшена портретом Виета и... остолбенел. Портрета в учебнике больше не было. Ваня протер глаза и посмотрел на страницу еще раз. Потом он перелистал несколько страниц назад. Потом стал листать страницы вперед...

— Вот видишь, — важно улыбнулся Петя Иванов. — Все как надо. Я остановил ход истории.

— Неужели он не смог восстановить доказательство? — удивился Ваня Петров. — Как же так? Этого не может быть.

Внезапная догадка озарила голову Пети.

— Знаешь, я был у Виета в 1603 году. Это, кажется, год его смерти. Наверное, он уже просто не успел доказать теорему заново...

Сердце Пети вдруг застучало реже, чем обычно. Ему стало не по себе.

— А вдруг он умер от огорчения, что записи куда-то пропали, а он столько над ними работал?.. — неуверенно предположил Ваня Петров.

В коридоре зазвенел звонок. Петя сморщился.

— Совсем забыл — ведь сейчас будет урок математики. Вчера я получил двойку. И сегодня меня спросят еще раз.

— Можешь быть спокоен, — сказал Ваня Петров. — Тебя не спросят. Да и двоек у тебя нет. Как ты мог получить эти двойки, если нет на свете такой теоремы, из-за которой тебе их поставили?

Петя оживился.

— У меня нет двоек?! — он открыл дневник. — Ведь в самом деле их быть не должно...

Он помолчал.

— Да вот же они, — сказал он потом, — целехонькие...

— Покажи, — не поверил Ваня Петров, — не может быть... Здесь что-то не так!

* * *

— Петя Иванов, — сказала учительница. — Посмотрим, как ты подготовился к уроку сегодня. Реши пример № 239, вспомни теорему де Лианкура.

— Де Лианкура? — переспросил Петя Иванов с непритворным удивлением. — Теорему де Лианкура?!

— Теорему де Лианкура, — спокойно сказала учительница. — Теорема о свойствах корней полного квадратного уравнения.

— Сумма корней равна... тому-то, — спросил Петя, — а произведение их... тому-то?

Петя Иванов обернулся на последний стол, где остался Ваня Петров. Ваня Петров лихорадочно листал учебник.

— Теоремы о свойствах корней полного квадратного уравнения нет! — вдруг сказал Петя.

В классе воцарилась тишина.

— Как нет? — переспросила учительница. — Нет совсем?

— Совсем, — подтвердил Петя. — Она мог-

ла быть, но ее нет. Такую теорему мог доказать Виет, но почему-то он этого не сделал.

Учительница встала из-за стола. В тишине ее шаги прозвучали особенно громко. Она заглянула Пете Иванову в глаза. Осторожно потрогала ему лоб. Петя Иванов выронил мел на пол.

— Тебе надо отдохнуть, — сказала учительница. — Ты, наверное, немножко перезанимался, это бывает. А потом ты соберешься с силами и выучишь эту теорему де Лианкура о свойствах корней полного квадратного уравнения.

— Де Лианкура? — пролепетал Петя Иванов.

— Ну конечно, — ласково сказала учительница. — Разве ты не знаешь де Лианкура?

Петя помотал головой.

— Французский математик конца XVI — начала XVII веков. Свою знаменитую теорему он предложил спустя год после смерти Франсуа Виета, так что Виет здесь абсолютно ни при чем.

— Нет, — пробормотал Петя Иванов, — я этого не знаю...

— Ну хорошо, — улыбнулась учительница. — Иди домой. Отдохни немножко, потом возьмешься за учебник и все выучишь...

На большой перемене Ваня Петров нашел Петю Иванова в кабинете истории.

— Мне все ясно, — сказал Петя, — сам Виет действительно не успел написать доказательство заново. До этого додумался некий француз де Лианкур. Де Лианкур обобщил все, сделанное Виетом, и доказал теорему Виета спустя год после смерти Виета.

Несколько минут Петя Иванов молчал.

Молчал и Ваня. Потом Петя достал из своего портфеля кипу бумаги, покрытой четкими математическими значками и словами, написанными по-французски.

— Нехорошо, — задумчиво сказал Петя Иванов. — Человек думал, старался... А я-то, дурак, радовался. «Остановил ход истории!» Как же, остановил.

Петя встал и решительными шагами снова подошел к Проектору Прошлого.

Куда-то запропастились все записи. Франсуа Виет нервно ходил по комнате, заглядывая в самые укромные уголки. Куда же он положил доказательство своей теоремы? Никто не мог взять со стола его бумаги, никто из домашних. И в комнату никто не заходил, это абсолютно точно. Значит, он сам куда-то запрятал их так, что теперь не найти.

Может быть, он положил листы в шкаф? Нет, в шкаф не видно. Нет и на подоконнике. И под столом тоже. Что за чудо? Да вот же они, на столе! Как это не заметить, на собственном столе, целую кипу бумаги?! Нет, он стал очень рассеян, очень.

В следующий момент Франсуа Виет уже сидел за столом. Справа от него лежали листы, исписанные ровными строчками математического доказательства. Он снова взял свое гусиное перо...

Франсуа тотчас забыл о том, что сейчас только волновался и большими шагами ходил по комнате, заглядывая во все углы.

Он и не подозревал, что в школьных учебниках алгебры далекого XXI века на тридцать восьмой странице снова появился его портрет...

Внимание! Внимание!

В штаб операции поступила радиограмма от Васи Ладейкина:

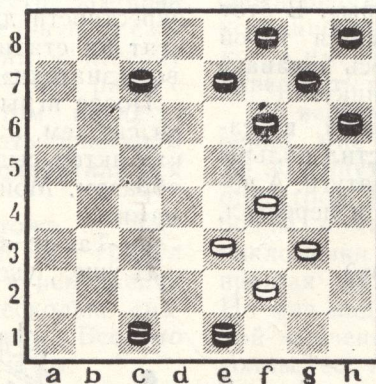
«Эскадрилья вошла в район Малых Шашечных Лун. При попытке прилунения обитатели Лун внезапно включили аппараты, создавшие мощное электромагнитное шашечное кольцо. Терпим бедствие: с бешеной скоростью кружимся по кольцу. Как вырваться? Дайте совет!»

Из штаба тут же радировали:

«Немедленно включите шашечную противоманитную защиту! Пятый прибор на втором пульте управления».

Только что пришел ответ от Васи: «С ускорением мчимся по кольцу. Прибор защиты включается решением комбинации. Решить не можем: у всех развилось сильное головокружение. Помогите!»

ОПЕРАЦИЯ „64“!!!

Укажите выигрышающую комбинацию белых!»

Кто же спасет нашу эскадрилью? Кто найдет комбинацию?

Из записок шашек-капитана Дамкобеева о шашечной комбинации

«...Иногда удается выиграть неожиданно быстро с помощью особого тактического приема — комбинации. Что это такое?

Белые: c1, c3, c5, e3, f2, g1, h4

Черные: a5, a7, d8, e5, f6, f8, g7

Белые проводят здесь комбинацию так: 1. c3—b4! a5:c3 2. c5—b6! a7:c5 3. h4—g5! f6:h4 4. e3—d4 c5:e3 5. f2:h8X. Теперь победа за белыми! Все произошло за пять ходов, из которых четыре белые употребили на то, чтобы отдавать (жертвовать) свои шашки, зато пятым они с лихвой возместили эти временные «потери».

Продолжение на стр. 58

Как вам болеется?

Мастер спорта Станислав Завидонов

Болельщики! Мне радостно, что я возвращаюсь в их беспокойные, дружные ряды. Радостно, несмотря на то, что после 13 сезонов в большом футболе трудно расставаться с зеленым полем, с товарищами по команде, с футболкой «Зенита», спортивные цвета которого я защищал сотни раз.

Но у времени свои законы. И теперь я приду на стадион уже не как участник очередной встречи на первенство страны. Впрочем, по моему, быть болельщиком совсем не так про-

сто, как это может показаться на первый взгляд.

Давайте представим, что мы с вами пришли на первый в нынешнем сезоне матч. Нетерпеливо гудят трибуны, весенний ветер полощет спортивные флаги. На башне, где ведут счет, пока что застыли ноли. До выхода команд на поле у нас с вами есть время осмотреться вокруг и подумать о том, каким должен быть настоящий болельщик. По-моему, это очень важный вопрос.

Соловьи? — Разбойники!

Откуда берутся болельщики? Иной читатель только пожмет плечами: ниоткуда, мол, они не берутся. Просто приходят, покупают билет и идут себе на трибуну. Что еще нужно для того, чтобы стать болельщиком?

Вместо ответа на этот вопрос расскажу один случай, а выводы из него постарайтесь сделать сами. Пришел я как-то на матч. Слежу за игрой: по краю прорывается нападающий, обводит защитника, передает мяч в центр и...

А тут судья останавливает матч. Почему? Ясно почему — положение «вне игры». В этот момент у меня над ухом раздается такой свист, какого никогда не доводилось издавать даже былинному Соловью-Разбойнику.

Оглядываюсь. Смотрю — парнишка в садовой шапке из газеты. Запустил пальцы в рот и свищет, аж покраснел от натуги. А вокруг все уши позатыкали. Когда он перестал, я его и спрашиваю:

— Ты, приятель, зачем свистишь?

— А чего судья ему бить не дал! Подсуживает!

— Правильно, — говорю, — не дал. Ты разве не видел, что центральный нападающий без мяча за линию защиты забрался?

— Ну и что? — спрашивает парнишка и смотрит на меня непонимающими глазами. — Все свистят, вот и я...

Ну, что с такого возьмешь? Ведь он и правил-то толком не знает. Это, во-первых. Во-вторых, даже если ты не согласен с решением арбитра, вовсе не обязательно оглашать окрестности диким свистом. А в-третьих, свистят на стадионе отнюдь не все, а такие же вот «знатоки», вроде моего соседа.

После игры я спросил парня, засвистел бы он, скажем, в театре, если бы ему показалось, что актер сыграл какую-то сцену не лучшим образом. Мой собеседник только пожал плечами:

— Так то в театре, а то на футболе. И ушел, уверенный в своей правоте.

Музыканты «Мараканы»

Мне довелось играть не только на стадионах нашей страны. В составе «Зенита» и Олимпийской сборной я побывал во многих странах Европы и Азии, пришлось мне играть и на знаменитом стадионе «Маракана» в столице Бразилии Рио-де-Жанейро. Это самый большой стадион в мире. Его двухъярусная чаша вмещает 200 тысяч самых шумных на свете болельщиков, по сравнению с которыми даже итальянские «тиффози» кажутся необычайно молчаливыми людьми, а самые темпераментные поклонники тбилисского «Динамо» просто меланхоликами.

Действительно, поле «Маракана» окружают ров и сетка. Правда и то, что бразильцы тащат под мышкой на матч самые разные предметы — от медных труб до петард, которые взрываются с оглушительным грохотом.

тельно следила за ходом спортивной борьбы.

И как следила! По реакции соседей я чувствовал, что эти люди не только любят игру, но и разбираются во всех ее тонкостях. Красивая обводка — и стадион взрывается аплодисментами. Бросок вратаря — и снова овации заглушают грохот оркестров.

Запомнился еще один штрих: бразильский зритель часто аплодирует игроку, бьющему по воротам с дальней дистанции, из трудного положения. Аплодирует до боли в ладонях, даже если мяч проходит мимо ворот.

Спрашивается — за что? Думаю, за смелость игрока, который решается завершить атаку своей команды. Промажнулся? Ну что ж, бывает. Попробуй попасть в следующий раз!

Как поддерживают эти дружеские аплодисменты! Приятно отметить, что они все чаще

Помню, я пришел посмотреть матч двух отличных команд: «Ботофого» и «Фламенго». Стадион был переполнен. Я заметил, что болельщики каждой из команд разместились на отдельных трибунах, строго соблюдая «границу». Мое место оказалось среди поклонников «Фламенго».

Вот чем они занимались. Справа от меня разместился наскоро собранный из добровольцев большой духовой оркестр, который без подготовки грянул оглушительную мелодию — как мне объяснили — любимую песенку игроков «Фламенго». Несколько сотен ракет с грохотом взвилось в небо. Потом какая-то женщина принялась дирижировать оркестром и запела. Вслед за нею песню подхватила вся трибуна.

Но сторонники «Ботофого» тоже не дремали. С противоположной трибуны грянул марш этого спортивного клуба в исполнении другого оркестра и раздались несколько «ракетных залпов». Запахло порохом. Все это происходило задолго до начала игры.

Но вот начался матч, и на стадионе стало заметно тише. Лишь оба оркестра старались «переиграть» друг друга, точно так же, как футболисты на поле. А сама публика внима-

раздаются и на наших стадионах. Зато обидно бывает, когда, промахнувшись, слышишь с трибун презрительный свист «знатоков» вроде моего соседа в газетной шапке. Свистеть такой — мастер, а самому аут от углового не отличить.

Мне кажется, что нерешительность многих нападающих наших команд именно этим и объясняется: футболист не хочет рисковать своей репутацией, предпочитает передать мяч кому-нибудь из своих партнеров даже тогда, когда именно ему самому следует попытаться завершить атаку.

Но вернемся на «Маракану». Скажу откровенно, мне там понравилось далеко не все. За 90 минут игры здорово устаешь от грохота оркестров. Видимо, не сладко приходится игрокам команды-победительницы, с которых поклонники срывают футболки, тут же превращая их в сотни лоскутков — на память. Но мне надолго запомнился и понравился какой-то очень дружеский настрой 200-тысячной толпы, ее горячее отношение ко всему, что происходит на поле, щедрость ее оваций — и победителям, и тем, кому не повезло. Это благодарность зрителя за красивую игру, за доставленное удовольствие.

О судьях судей

Вот двое мальчишек. Лижут они свои эскимо, а когда это им надоедает, выкрикивают одну-единственную фразу:

— Судью на мыло!

И снова принимаются за мороженое.

О таких «болельщиках», я думаю, вообще не следует говорить серьезно.

Но как быть, если решение судьи кажется вам действительно спорным? Думаю, здесь правильное всего выждать, разобраться самому и не мешать нормальному ходу игры.

Что греха таить, ведь иной раз и самим футболистам кажется, что судья где-то не прав, слишком уж строг, придирается. Но не значит же это, что по каждому такому поводу игроки должны устраивать на поле дискуссию!

Когда судья принимает важное решение, он берет на себя ответственность за судьбу матча. В этот момент он прекрасно понимает, как много зависит от его слова и призывает на

помощь весь свой опыт, все глубокое знание игры.

Давайте вспомним финальный матч прошлого первенства мира. Огромный лондонский стадион «Уэмбли» в решающий момент замер, не зная толком: побывал мяч в воротах немецкой команды или нет? Ведь удар был настолько силен, что мяч из-под верхней планки ворот отскочил далеко в поле.

И только один человек из сотен тысяч взял на себя смелость твердо сказать: «Гол. Немецкие ворота взяты!» Этим человеком был советский судья бакинец Тофик Бахрамов.

Несомненно, именно этот, третий по счету, английский гол решил не только исход матча, о котором идет сейчас речь, но и определил команду-победительницу всего чемпионата. А правильность решения судьи впоследствии подтвердила самая объективная свидетельница этого поединка — кинолента.

Когда молчание — золото

Нет, я не против шума на трибунах. Все мы знаем, как поддерживают в трудном спортивном поединке крики вроде: «Шай-бу!», «Вперед!», «По-бе-ду!» Можно и пожурить мазилу или чересчур нерешительного игрока.

Но иногда хочется, чтобы зритель проявил деликатность. Ведь иной раз вы именно молчанием можете больше всего помочь своей команде.

Однажды «Зенит» играл в своем родном городе с очень сильной командой. Все наши игроки старались, и игра шла неплохо. В начале второго тайма нам удалось открыть счет. Но через несколько минут наш молодой защитник допустил ошибку. Одну-единственную, но этого оказалось достаточно, и гости сравняли счет.

Что тут началось на трибунах! Те самые люди, которые только что подбадривали нас,

теперь до хрипоты кричали: «Сапожники!»

После такого душа команде очень трудно снова поверить в свои силы, выровнять игру. Ведь гол сам по себе — большая неприятность. А тут еще крикуны стараются вовсю. По-моему, если по-настоящему любишь команду, болеешь за нее, то относишься к ней бережно, старайся поддержать, как бы трудно ей ни приходилось. Ведь настоящие друзья — они с тобой не только в часы побед.

Пусть те, кто прочитает эти заметки, представят на минутку, что это в их адрес доносится презрительный свист трибун, что это им сейчас предстоит снова ударить по мячу. Хорошо ли, уверенно ли почувствуют они себя? И если вы вспомните обо всем этом, сидя когда-нибудь на трибуне стадиона, и вдруг обнаружите, что держите пальцы во рту, выньте их оттуда, пожалуйста!

Рисунки А. Януса

„НЕ
НАЗВАТЬ ЛИ
НАМ
КОШКУ
КОШКОЙ?“

Примерно такая же история приключилась с безымянным медвежонком из „Уголька“ № 11 за прошлый год. Федя Мартын из Одессы написал: „Так давайте же топтыжку назовем мы просто — Мишкой!“ Большинство ребят тоже предлагает это имя. Итак, наш мишка зовется Мишкой! А когда вырастет, будет Михаил Потапыч.

Понравились нам имена Кузя, Фомка, Антоша, Гриша, а также Смелый, Шустрый. А вот Мишель — имя не подходящее для брата Феди и Пети. Никуда не годятся имена Барон, Маркиз, Злой, Сердитый.

Дорогая Вика, мы пока не заметили за Мишей способности предсказывать непогоду, поэтому назвать его Буревестником не решились.

Спасибо Тане Красноок за серьезное письмо о зверях, Вале Большаковой, Ларисе и Валерику Шейко и другим ребятам, посвятившим медведику стихи, Вите и Рае Дворцовым за прекрасное отношение к медведям, живым и игрушечным.

8

Рисунок Е. Захарова

АПРЕЛЬ

1

Я ГОТОВ!

И. Холм

Мой сосед Петрович —
Летчик,
А Кузьмич —
Водопроводчик.
Я готов быть
Летчиком
И водопроводчиком.
Я готов быть
Маляром.
Выйду с кистью
И ведром.
Рыбаком я
Быть хочу,
На Чукотку
Укачу.
Я в геологи
Уйду,
Нефть и золото
Найду.

4

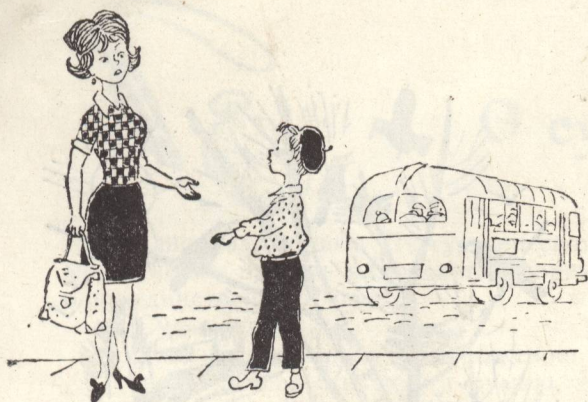

Я готов водить
Машину,
Я готов водить
Состав.
Я хочу, как все
Мужчины,
Трубку выкурить,
Устав.
Я, ребята,
Не шучу,
Быть я Власовым
Хочу!
Я хочу успеть
Везде!
Я готов лететь
К звезде!
Как Гагарин,
Как Титов!
Я клянусь вам,
Я готов!

Рисунки П. Лаврова

5

СЫН

Гражданка выходила из автобуса, а малыш словно из-под земли вырос.

— Вы, — говорит он, — простите, только что билет на землю бросили.

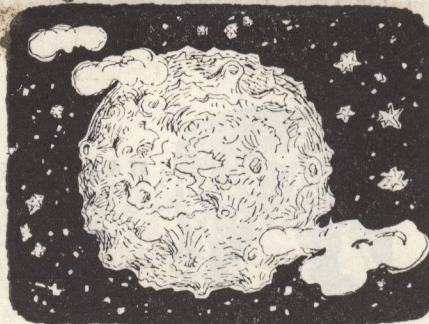
Гражданка на него никакого внимания не обращает, идет себе дальше.

А малыш ей дорогу загораживает.

Гражданка остановилась и говорит возмущенно:

— Ну, что ты ко мне пристал?

— Я вам делаю замечание, — отвечает малыш.

А он стрелять не хочет,

А он зовет: — „Смотри!“

Взглянул я осторожно:

Но что это?

Луна!

Луна, как на ладошке,

Из пушки мне видна.

Притих я в удивленье, —

Вулканы вижу я,

От гор ложатся тени

На лунные моря.

Все это правда,

Правда!

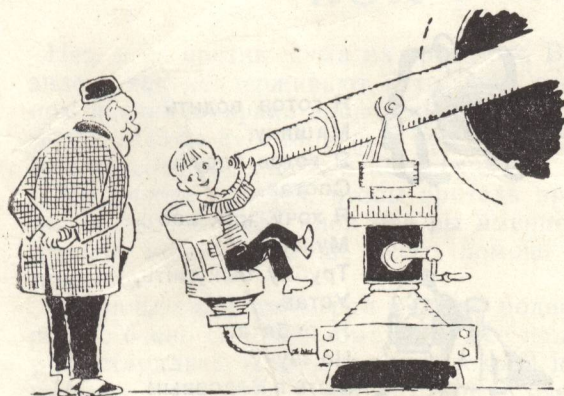
И не приснилось мне:

Как будто космонавтом

Гуляю на Луне.

Я. Пишумов
Рисунок Б. Семенова

7

АСТРОНОМ

Он целится из пушки
И не спешит стрелять.

А я стою послушно,

Но сколько можно ждать?

Чего он медлит? Не пойму.

— Огонь! Огонь! — кричу ему.

Сейчас как загрохочет!...

Считаю:

— Раз!

Два!

Три!

Гражданка пробует идти, но это ей не удается.

— Нет, я вам серьезно говорю, — не отстает малыш.

Гражданка обращается к прохожим:

— Полнуйте, товарищи, этот ребенок не дает мне идти по своим делам. Он специально загораживает мне дорогу.

Некоторые прохожие смеются, некоторые смотрят с интересом.

Гражданка опять обращается к прохожим:

— Теперешние дети меня удивляют! Какой-то младенец останавливает на улице взрослого, занятого человека, собирает толпу людей — кошмар! Не могу же я его оттолкнуть!

— Попробуйте оттолкните, — говорит малыш.

— Вы слышите? Нет, вы видите?! — возмущается гражданка.

Она говорит мальчишке:

— Что тебе от меня надо, в конце концов?

— Вы бросили на землю билет, когда выходили из автобуса, — говорит малыш.

— Кто ты такой, чтобы делать мне замечание? — говорит гражданка.

— Я сын дворника! — отвечает малыш.

Тогда гражданка, ни слова не говоря, возвращается к тому месту, где она бросила билет, поднимает его и бросает в урну. После чего беспрепятственно идет по своим делам.

А прохожие расходятся и говорят:

— Правильно! Совершенно правильно!

Виктор Голявкин
Рисунок Б. Семенова

3

ЧУЖАЯ УРАСА

ЮКАГИРСКАЯ СКАЗКА

Как-то под вечер сидели в своей урасе три брата. Имя у старшего — Лошийя. У среднего — Лопчуо. А младшего брата звали Акчин-хондо. Делать им нечего было. Старший брат сказал:

— Давайте песни петь, голоса пробовать. Я первый начну.

Начал, запел:

— Лошийя-я! Шийя! Лошийя!

Спел так. Похвалил себя:

— Хороший у меня голос. Теперь ты пой, — говорит среднему.

Средний запел:

— Лопчуо-о! Чуо! Лопчуо!

Спел, сказал:

— И я хорошо пою! Посмотрим, как наш младший споет.

Младший запел:

— Акчин-хондо! Хондо-хондо! Акчин!

Кончил. Братья говорят:

— Что ж, и у него получается. Теперь давайте все вместе споем.

Запели. Каждый свое поет. Никак песня не складывается. Старший на младшего рассердился. Младший — на среднего. Средний и на младшего и на старшего:

— Зачем свои имена поете?! Мое пойте. Тогда песня сложится.

— Из твоего имени песня не ладится! Мое петь надо! — кричит старший.

— А я ваших имен и знать не хочу! — младший бранится. — Свое знаю!

И затянул:

— Акчин-акчин-акчин-хондо! Хондо-хондо-до-до-акчин!

Средний брат и старший брат на него набросились. Бить его стали. И он им спуску не дает.

Котел опрокинули, огонь в очаге залили. Катаясь по полу, стрелы изломали.

Старший сказал:

— Однако в урасе плохо драться. Пошли наружу!

Пошли братья наружу. Принялись на траве драться. Старший младшего на землю повалил. Лежит младший на спине, лицом кверху. Увидел над собой звездное небо, закричал:

— Стойте, братья! Беда идет!

— Какая беда? Где беда? — закричали средний и старший.

Младший вскочил, на небо пальцем показал.

— Смотрите, чужие люди сухой тальник зажгли. Дорогу себе огнем освещают! На нас войной двинулись!

Братья испугались.

— Убегать надо! Их много, нас мало!

Побежали к реке, в лодку-стружок прыгнули, за весла схватились. Гребут, как песню в урасе пели. Один — назад, другой — вперед, третий — весла опустит, поднимет — ни назад, ни вперед!

Лодка-стружок на месте крутится. Вода о борта плещется. Кажется братьям, что лодка их быстро идет.

Старший вверх взглянул, говорит:

— Гонятся!

Опять гребут. Средний вверх взглянул, закричал:

— Как будто отставать начали!

Еще веслами помахали. Младший задрал голову, сказал:

— Отстали!

А это уже светает. В сером небе звезды померкли. Не видно горящих тальниковых прутьев в руках у вражеских воинов.

— Знаю, почему отстали, — сказал старший брат. — Они нашу урасу грабят!

— Ясное дело, грабят! — сказал средний.

— Котел унесут, шкуры унесут! Что делать?! — убивается младший.

Вдруг видят братья — стоит на берегу ураса. Хорошая, большая ураса.

— Верно, это вражеских воинов жилище, — говорит старший.

— А чье же?! — средний отвечает. — Конечно, их.

— Если они наше жилище грабят, мы их урасу ограбим! — закричал младший и выпрыгнул из стружка.

За ним двое других выскочили. С криком бросились к вражескому жилью.

Шесты изломали, сорвали шкуры. Котел схватили, в лодку унесли. Опять роются на

том месте, где чужая ураса стояла. Младший лук нашел. Поднял его и закричал:

— А ведь это мой лук! Я сам его делал!

— Не может того быть! Глупости говоришь, — отмахнулся старший.

Сказал так и свой лук увидел.

— Послушай, — толкнул он среднего. — Кажется, Акчин-хондо не совсем глупый. Я тоже свой лук нашел.

А средний брат, по имени Лопчуо, третий лук в руках держит, осматривает, головой качает.

— Луки, выходит, наши. Может, и ураса наша?

Разобрали шкуры, что в кучу бросили, все признали.

— Вот этого оленя я убил!

— Этого я!

— А эта медвежья шкура нам еще от отца досталась!

Посмотрели братья друг на друга. Друг у друга спросили:

— Как же так вышло? Всю ночь гребли, к своей же урасе приплыли.

И решили братья: не иначе, какой-то шаман их песне позавидовал, туман в их глаза, в их головы наслал.

Одно плохо — урасу опять надо ставить!

Пересказала З. Задунайская
Гравюра К. Овчинникова

ФЕРЗЬБЕРИ ПРИКАЗЫВАЕТ

ШАХМАТНЫМ РАКЕТЧИКАМ

1) Решить задачу — белые: Kph8, Фd7, Ch1; черные: Kpb8, Ka5, Ke6, пп. a6, a7. Белые дают мат в два хода.

2) Найти, как белые выигрывают в положении — белые: Kpg1, Фd1, Kd6, пп. f2, g3, h2; черные: Kpg8, Фh3, Лb8, пп. f3, g4, g7, h7.

ЮНГАМ

Расставьте шахматы — белые: Kph1, Kc3, п. c4; черные: Kpb6, Фd6. Ход белых. Как они добиваются ничьей?

Слово берет Пешкоедов

Мне, шахмат-капитану Пешкоедову, главнокомандующий операцией

«64» приказал открыть бюро самопроверки. В этом бюро все ракетчики смогут сами проверить правильность своих рапортов. Проверяйте!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Решения к четвертому приказу Ферзьбери («Костер» № 2)

№ 1. 1. Kg2! fg+ (если 1... f2, то, 2. Kf4+Kph4 3. Kg2+Kph5 4. Ke3) 2. Kpg1 Kph4 3. Kp:g2 и так далее. Ничья.

№ 2. 1. Kpc1! Kg6 2. Kpc2 Kf4 3. Kpc1 Ke2+ 4. Kpc2 Kd4+ 5. Kpc1 — ничья.

№ 3. 1. Kpc2! Kf6 2. Kpc1 Kg4 3. Kpc2 Kf2 4. Kpc1 Kd3+ 5. Kpc2 — ничья.

Как правильно указали многие ракетчики, в подобных позициях королем нужно пойти на поле того цве-

та, на каком находится конь противника.

№ 4. Мат — 1. Фh1X. Пат — 1. Фb1? или 1. Фе4?, или 1. Kpf8? (вопросительный знак означает, что этот ход плохой).

№ 5. Мат — 1. Лh8X. Пат — 1. Лb7?

№ 6. Мат — 1. Kpf6 Kph7 2. Kpf7 Kph6. 3. g8 — Ф Kph5 4. Фg3 Kph6 5. Фh4X. Пат — 1. Kpg6?

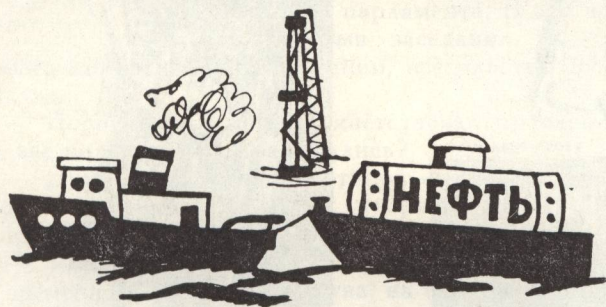
Решения к пятому приказу Ферзьбери («Костер» № 3)

Мат Пети Белкина — 1. Ce4+ Лb7 2. Фb8+! Л: b8 3. Л: a7+! С: a7 4. Kc7X.

Комбинация в позиции Дамкобеева — 1. d4 — e5! f4: d6 2. c3 — d4! a5: e5 3. g1 — h2 d6: b4 4. h2: d6: : f8: a5X.

Прибрежная нефть

Как правило нефть добывают на суше, реже — на прибрежных отмелях — шельфах (как, например, на Каспийском море). Но запасы нефти на суше постепенно расходуются, а запасы шельфовой нефти еще

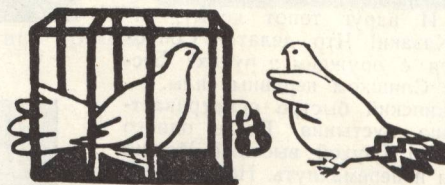

почти не используются. Пространство же шельфов — отмелей глубиной до 300 метров — огромно: оно составляет примерно четверть пространства всей суши. По расчетам советских геологов запасы шельфовой нефти раза в три больше разведанных запасов нефти на суше.

Водонепроницаемый бетон

Ячеистый бетон — его называют пенобетоном — прекрасный материал для строительства самых разных зданий. Он прочен, долговечен, легче других бетонов, хорошо сохраняет тепло. Но вот бани, прачечные и силосные башни из пенобетона не рекомендуется строить — в ячейках пенобетона будет накапливаться вода, и здание пропитается влагой. Пенобетон водонепроницаем.

Советские ученые предлагают простой способ устранить этот недостаток пенобетона — при его изготовлении в раствор добавив водорослей. Это не на много увеличит вес самого материала, зато, и что очень важно, делает его водонепроницаемым.

Кто учит голубя летать

Немецкий ученый Громан интересовался, как учатся летать молодые голуби. Одну группу птенцов он воспитывал в обычных условиях, и они изо дня в день летали все лучше. Других птенцов такого же возраста поместили в узкие проволочные клетки, где и расправить крылья было трудно, а не только летать. Выпустили одновременно птенцов первой и второй группы. Оказалось, и те и другие летали одинаково ловко. Значит, ловкость в полете это не результат тренировки, а свойство определенного периода развития голубя.

Парашют для четверых

В Варшаве продемонстрирован парашют, на котором могут одновременно спускаться четыре человека. Такой парашют удобен для обучения парашютистов: ученики и инструктор опускаются на нем вместе, и во время спуска новички получают указания и замечания.

Что такое миллион

Что такое миллион? Как представить себе, например, миллион спичек? И сколько понадобится времени, чтобы пересчитать этот миллион спичек?

Наглядное представление о миллионе получили ученики одной из школ австралийского города Сидней. Учитель привез с фабрики спички, насыпал их целую гору.

Весь класс отсчитывал миллион спичек... 320 часов!

Песок как вода

В некоторых условиях песок может вести себя как жидкость. Если в ящик с песком закопать кусочки дерева, а сверху на песок положить металлические предметы и заста-

вить песок делать до 100 колебаний в секунду, деревяшки начнут «всплывать», а металлические предметы «утонут».

Не обязательно должен вибрировать песок. Можно заставить колебаться металлический предмет, и он начнет по-

гружаться довольно быстро. Это явление используют в технике. Нужно облегчить процесс забивания свай?

На верхнем конце сваи укрепляют вибратор, он заставляет сваю дрожать, и она плавно погружается в землю.

БИБЛИОТЕКА КОСТИ ТЕРКИНА

Эти четыре книги читаешь не отрываясь. Не выдуманные приключения каких-то вымышленных героев, а книги о революционерах — самых испытанных, самых преданных, самых отважных — о Владимире Ильиче Ленине, Феликсе Эдмундовиче Дзержинском и их сподвижниках.

Работать им было трудно и сложно. Судите сами.

...Апрель 1905 года. Готовится восстание солдат. Недалеко от казарм Дзержинский с двумя товарищами ждет сигнала — револьверного выстрела. И вдруг топот копыт, гиканье. Казаки! Что делать? Спротивляться с оружием в руках? Бесполезно. Слишком неравны силы.

Дзержинский быстро осматривается: улица пустыня. Возле одного дома забор. Глухой, высокий. Можно было бы и перемахнуть. Но один его товарищ не молод, другой — слишком маленького роста.

И все же Дзержинский ловко подсаживает одного, затем другого. Теперь оба в безопасности. И сам легко одолевает забор. Спасены! Спасены все трое!

...1908 год. Дзержинский в Лодзи. В назначенный день и час он у дверей конспиративной квартиры. Здесь должны собраться делегаты партийной конференции.

Чуть приоткрыв дверь, Дзержинский отпрянул. Что это? Вместо делегатов там полицейские и жандармы. Всякий бы растерялся, но только не Дзержинский. Он быстро захлопнул дверь. И успел повернуть ключ, торчавший в замочной скважине.

Полицейские и шпики попали в ловушку! Значит, есть еще время предупредить товарищей!

...Однажды во время декабрьского вооруженного восстания революционеры Лядов и Землячка пробирались на извозчике из одного района в другой. Лядов был переодет баринем, Землячка — кухаркой. В руках она держала огромную корзину.

На каждом шагу их подстерегали полицейские заставы. И на одной заставе — обыск.

Первым обыскали «барина». Потом велели «кухарке» показать содержимое корзины.

— Как же показать? — ухмыльнулась кухарка. — Вот они, гусаки...

Тут гусак вытянул голову из корзины и загоготал: га-га-га.

Солдат даже попятился. Офицер презрительно махнул рукой: «Проезжайте!»

Пролетка тронулась. А ведь, кроме гусakov, в корзине было еще и оружие...

...Марк Тимофеевич Елизаров — муж Анны Ильиничны, старшей сестры Владимира Ильича — был классным шахматистом. И никого особенно не удивило, когда на даче Ульяновых он просидел целую ночь за чертежами шахматного столика. И не один, а с Владимиром Ильичем. Но не страсть к шахматам заставила их засесть за чертежи. Подпольщикам нужен был столик с секретом — с потайным хранилищем для партийных документов.

К утру проект был готов: круглая тумба на трех изогнутых ножках. На тумбе целое сооружение из разных выдвинутых ящичков.

Случись обыск, на что обратят внимание полицейские? На ящички. И

никто не догадается, что в крышке сделано, как в пенале, вместительное углубление.

— Отличное изобретение, — радовался Владимир Ильич.

И верно, сколько раз потом опытные ищейки ощупывали, выстукивали, даже опрокидывали столик, а он так и не выдал своей тайны. Семнадцать лет, до самого Октября хранил столик важные документы.

...Трудно пересказать все те случаи, когда революционерам приходилось проявлять выдержку и силу, волю и отвагу, выдумку и самообладание. Лучше всего взять в библиотеке книги, изданные Детлитом в 1965—66 гг. З. Воскресенской «Костры», В. Морозовой «Рассказы о Землячке», сборник «Рассказы о Дзержинском», С. Дангулова «Рассказы о Ленине» и прочесть их.

ЧАПЛИН И ПРЕМЬЕР-МИНИСТР

Как-то раз прославленный постановщик фильмов и артист Чарли Чаплин в глубокой задумчивости прогуливался вблизи английского парламента. В это время был объявлен перерыв заседания. Из парламента вышел

премьер-министр Великобритании, всеильный проныра Рамсей Макдональд.

— Дорогой Чаплин, — приветствовал премьер-министр актера, — рад вас видеть! О чем задумались?

— Думаю над новой картиной, — ответил Чаплин. — А вы, мистер Макдональд, очевидно, творите что-то новенькое в области политики?

— Увы, дорогой Чаплин. Мы, политики, имеем значительно меньше времени, чем люди искусства, на обдумывание наших творений.

— В таком случае понятно, почему ваши творения имеют у публики столь малый успех! — с этими словами Чаплин вежливо приподнял шляпу и зашагал прочь.

ЛУЧШЕ Я САМ

Жители одного небольшого итальянского городка, желая поживиться за счет туристов, обратились к прославленному композитору Россини с просьбой дать несколько концертов в их концертном зале. Уговаривая Россини, бургомистр городка решился приврать:

— Маэстро, мы поставим вам памятник на главной площади! Муниципалитет уже отпустил на это деньги.

— Сколько? — быстро спросил Россини.

— Двадцать тысяч! — бахнул зарвавшийся бургомистр.

— Не надо памятника, — сказал композитор. — За эти деньги я сам готов стоять у вас на площади каждый день.

ПОД ПРИСЯГОЙ

Любимец парижан актер прошлого столетия Франсуа Тальма был вообще человеком скромным. Тем более удивил он почитателей своего таланта, когда, выступая свидетелем на суде по какому-то пустяковому делу, повторил несколько раз не совсем даже кстати: «Я, как самый великий актер нашего времени...»

— В чем дело, Франсуа? Не находите ли вы, что подобные заявления не украшают вас? — стали пенять актеру друзья по окончании судебного заседания.

Сконфуженный Тальма объяснил:

— Я никогда бы не произнес этих бесстыдных слов, но ведь перед тем, как давать показания, я поклялся, присягнул, что буду говорить только правду и всю правду!

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

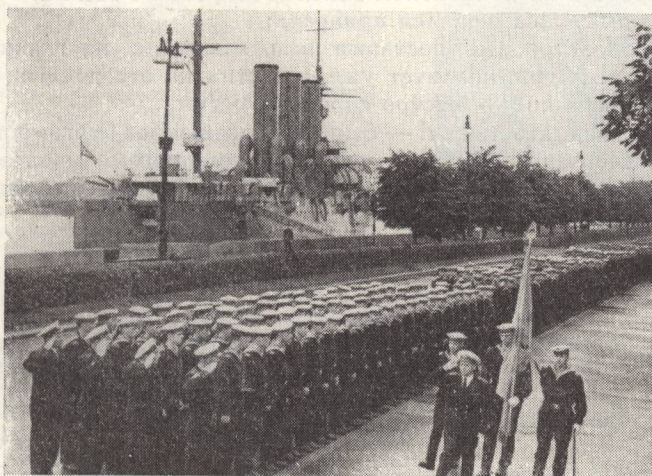
Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С Сахарнова

Редакция «Морской газеты» поздравляет с 10-летним юбилеем клуб юных моряков эстонского города Нарва и бессменного руководителя клуба Николая Александровича Калядина. Много лет подряд нарвский клуб занимает первое место в морских конкурсах «Костра».

Счастливого плавания, друзья!

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

Есть в Ленинграде училище, о котором мечтают мальчишки в разных уголках Советского Союза. Нахимовское училище. А рядом с ним — на вечной стоянке — крейсер революции «Аврора».

«Аврора» — это база училища. В ее кубриках живут старшие нахимовцы, на ее борту несут они вахту, привыкают к строгому распорядку корабельной жизни.

«Аврора» не просто корабль-музей. Это корабль-школа.

Фото И. Болотина

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

В Баренцево море весной, вместе с птицами, прилетели необычные гости.

Низко над самыми сопками прошел серебряный самолет, пробежал по аэродрому, взревел последний раз моторами и затих.

Из самолета стали выгружать гостей. Гости не простые — в ящиках. На каждом ящике надпись «Камчатка. Срочный груз» и нарисована рюмочка. Это значит: «Осторожно, не урони».

Сняли ящики, погрузили в автомашину, повезли на берег моря. На берегу ящики стали распечатывать. Снимают верхние доски, посмотрят: все ли в порядке? — и бултых содержимое на брезент.

Не разбили?

Нет. Его не разобьешь. В ящиках — крабы. Камчатские, длинноногие, колючие. Только маленькие.

Это еще не крабы, а крабишки, крабовы детеныши. Лежат друг на дружке, как яблоки, шевелят глазами, норовят друг друга клешней за ногу ухватить.

Клешни у крабишек крепкие. Ухватит, повернет и нет у соседа ноги.

Поди, половина без ног прилетела?

Все с ногами! На каждой клешне у крабенка по кусочку резиновой трубки. Это им на Камчатке надели. Так драчуны в перчатках и летели.

Здесь на Севере будет их новый дом.

Перчатки сняли? Теперь бегом в воду!

О подводных домах читайте в одном из ближайших номеров «Морской газеты».

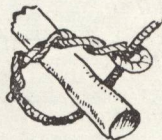
— В Японии спущен на воду гигантский танкер «Идемитсу мару». Он весит 209 тысяч тонн. На его палубе можно разместить пять футбольных полей.

— Стареют морские карты. Еще недавно на них не было портов: Ильичевска под Одессой и Ванино близ Советской Гавани, а теперь это большие морские порты.

Как всегда
мелкие узоры

ПРЯМОЙ

РИФОВЫЙ

УД 2 В К 2

КЛУБ
МОРСКИХ
ЗНАТОКОВ

НАПАДЕНИЕ НА ПИРАТОВ

Однажды к капитану Быстроходову пришел знакомый редактор.

— Знаете, — сказал он, — ко мне поступила рукопись, в которой все перепутано. Вот полюбуйтесь!

Он протянул капитану листки бумаги.

Быстроходов взял их и начал читать.

«Нападение на пиратов.
Судно, стоявшее на якоре
олиз острова, покачивалось на
легкой волне. На судне было
тихо. Команда мирно спала.
Работали только радисты.
Вдруг из-за острова показался
катер, вооруженный пулемета-
ми. Он подлетел к судну.

— Сдавайтесь! — закричали на катере.

Вооруженные до зубов люди уже прыгали через борт на палубу судна. Первым делом они устремились в радиорубку. Передача с судна прекратилась. Через час на катер ящиками сносили добычу. Это были катушки, конденсаторы, сопротивления...»

— Дальше можете не читать, — сказал редактор. — Ведь это «Нападение пиратов», а не «на пиратов»! Потом, во времена пиратов не было ни радио, ни пулеметов. И при чем тут катушки?

— Нет, здесь все правильно, — сказал капитан Быстроходов. — Сейчас я вам объясню...

Что объяснил редактору капитан Быстроходов?

РАЗГОВОРЫ НА ПОЛУБАКЕ

— Чем плохо я вчера шлюпку привязал? Узелок, на него второй узелок, сверху третий... А боцман подошел, говорит — бабий узел! Разве бабы узлы бьют?

— Бывают. Это такие узлы, которые может развязать даже слабая женщина.

«Дорогая редакция! Пишу вам впервые. Напечатайте, пожалуйста, в «Костре», как сделать бумажного змея».

Таня Ильиных, уч-ца 7-го класса
143 школы г. Челябинска

Один из самых простых змеев — «монах». Его смастерят даже самые младшие школьники. Требуется всего лишь один лист плотной бумаги и обыкновенная швейная нитка.

Особенно распространены плоские — «русские» змеи. Их обычный размер: 40×60 см. Каркас — из легких сухих лучин (например, штукатурной драпки) шириной 8-12 мм и толщиной около 1,5-2 мм. Лучины скрепляются между собой нитью на клею. Для облегчения змея по вертикальным кромкам можно вместо лучин натянуть прочные нити. На обшивку идет плотная бумага — пергамент, калька. Чтобы змей не покорило, положите его под пресс между двумя листами фанеры. Пусть лежит, пока не высохнет клей.

Если у плоского змея стянуть ниткой верхнюю лучинку, то это повысит его устойчивость в воздухе. Кроме того, на стягивающую нить можно приладить широкий язычок из твердой хрустящей бумаги. Язычок будет свободно качаться на нити и получится трещотка.

Ромбический змей — «эдди» — почти ничем не отличается от «русского».

Если из нескольких простых змеев составить «поезд», они смогут поднять довольно значительный груз.

Большинству змеев нужны хвосты. Хвосты делают из мочала, легкой тесьмы или бечевы. Длину хвоста подбирают путем нескольких пробных запусков. Надо, чтоб змей взлетал легко, свободно и был устойчив в парении.

У коробчатого змея более прочный каркас из проструганных сосновых реек сечением 9×9 мм или бамбуковых палочек. Полотнища для коробок заготавливают целиком (раскрой см. на рисунке). Во все кромки по-

лотнищ вклеивают прочные нити, выпустив их концы на 10-15 см. За эти концы потом крепят обшивку к каркасу.

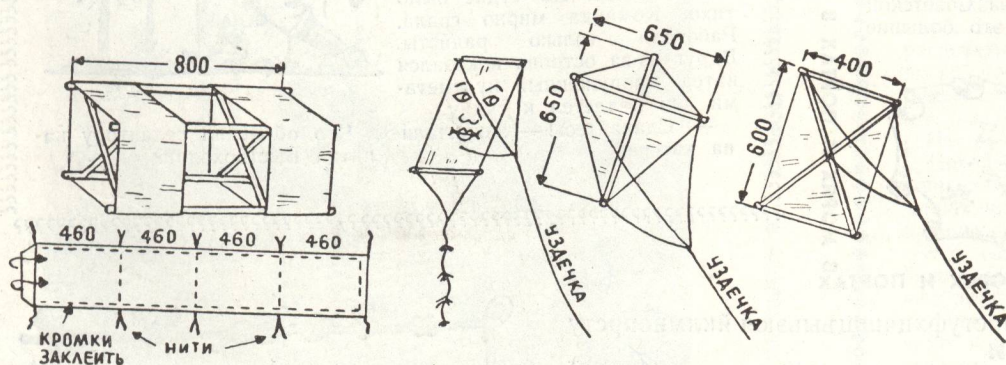
На рисунке показано, как делаются распорки в четырехгранном коробчатом змее. Распорки связаны в жесткую крестовину. Их надо надежно прикрепить к продольным рейкам нитками на клею.

Леер для запуска крупного змея делается из прочной бечевы, тонкого шнура или рыболовной лесы. Важно иметь выюшку для намотки леера. Для этой цели хорошо подходит катушка от спиннинга.

Запускают змея вдвоем. Запускающий, разматывая леер с выюшки, уходит против ветра, в то время как его напарник держит змея над головой. По сигналу, при натянутом леере, змея выпускают из рук. Запускающий бежит, чтобы змей поднялся в воздух.

Ну, а как раскрасить змея — это уже ваше дело. Если вы позаботитесь заранее и заготовите впрок несколько красивых змеев, ваша Первомайская колонна будет выглядеть особенно празднично.

Инженер К. Курденков

Обложка Н. Кустова

На второй странице обложки фото Б. Уткина

На второй вклейке рисунок И. Ризнича

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова,

Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор
А. А. Двораковская

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А5-57 76.

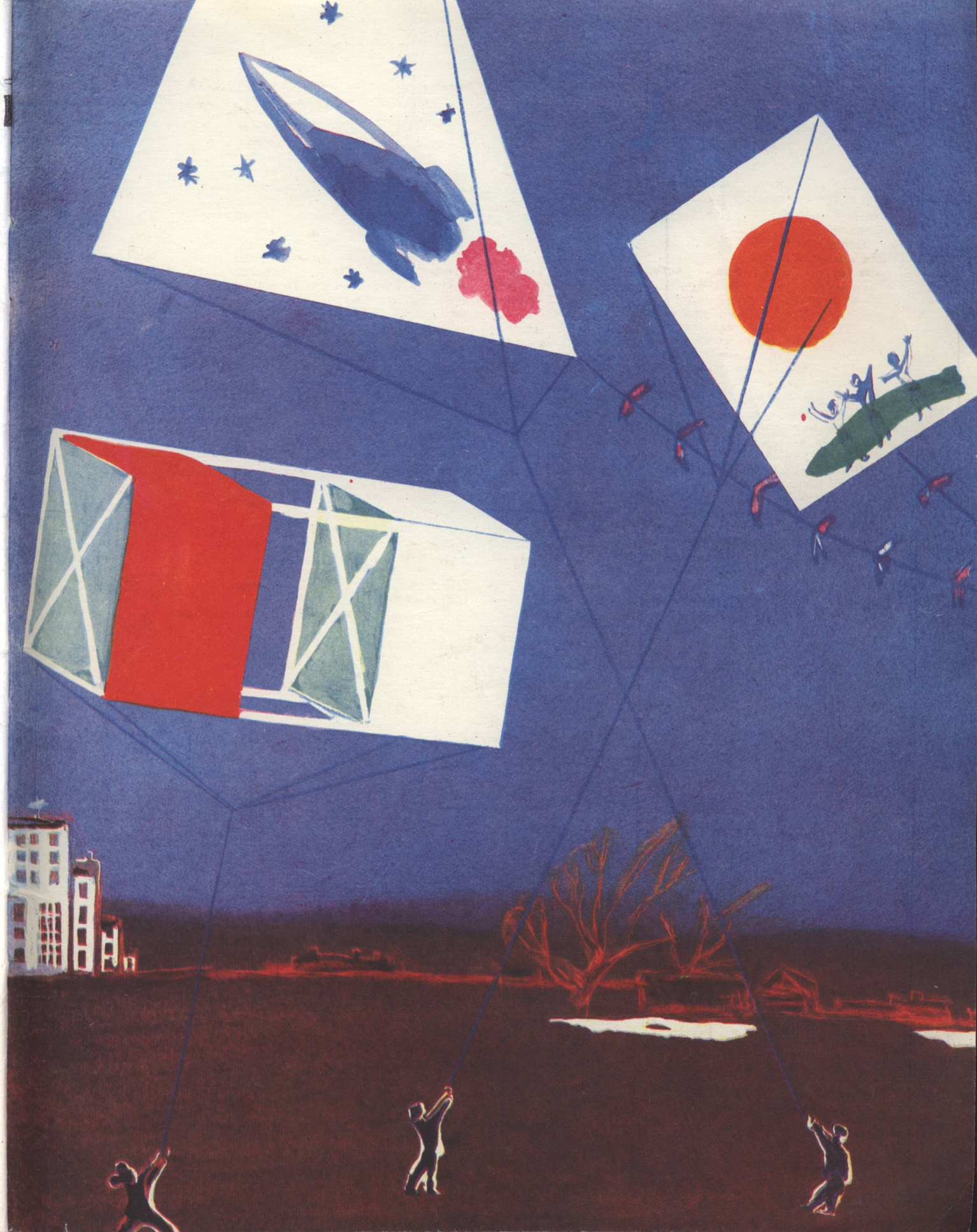
М-16181. Подписано к печати 10/III 1967 г.

Формат 84 × 108¹/₁₆
Заказ № 554.

Печ. л. 8 + 1. 6,36 усл.,
Цена 25 к.

8,8 уч.-изд. л. Тираж 330 000 экз.

Ленинградская типография № 2 имени Евгения Соколовой Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Выпуск № 2

РИСУНКИ

Б. СЕМЕНОВА

ЯБЛОЧКО

Выставка сатириков и юмористов

